

АЛЕКСЕЙ РАКИТИН

ДЕТИ САТУРНА

СЕРИЯ «РЕВИЗОР РОСКОСМОСА»

Алексей РАКИТИН

**Дети Сатурна. Серия
«Ревизор Роскосмоса»**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Дети Сатурна. Серия «Ревизор Роскосмоса» / А. Ракитин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936006-9

Действие фантастического романа «Дети Сатурна» полностью разворачивается в космосе, в системе одноименной планеты-гиганта, где человечество наладило масштабную добычу полезных ископаемых. Череда странных событий побуждает руководство Федерального министерства «Роскосмос» провести внутреннее расследование и направить с этой целью на станцию своего ревизора. С первых же часов своего появления тот оказывается вовлечён в опасную интригу.

ISBN 978-5-44-936006-9

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Хуже незваного гостя	6
Глава 2. Красивая бритая голова	25
Глава 3. В трёх соснах за тремя зайцами	38
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дети Сатурна Серия «Ревизор Роскосмоса»

Алексей Ракитин

*Пророк твердит, что мы ещё глухи
И кроме чистых помыслов и веры,
Мы к звёздам понесём свои грехи
И сновидений мрачные химеры...
(Дж. Бруно «Постижение бесконечного»,
перев. А. Ракитин)*

© Алексей Ракитин, 2018

ISBN 978-5-4493-6006-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Хуже незваного гостя

Перед тем, как аппарель отвалилась вниз, открывая мне дорогу в переходной отсек, я успел бросить взгляд в иллюминатор. На огромный фисташково-жёлтый диск Сатурна и десятки его фантастически-тонких изящных колец, напомнивших мне в тот момент то ли струны огромной арфы, то ли гигантских размеров разноцветные обручи на талии экзотической танцовщицы в Гоа. Огромная планета в эти минуты отбрасывала черную тень на часть колец, отчего казалось, что огромный их сегмент кем-то откушен или отрезан колоссальными ножницами. Это невиданное зрелище стоило того, чтобы им полюбоваться! Думаю, что в ближайшую тысячу лет человечество ничего более впечатляющего не увидит при всём желании...

Аппарель заняла своё крайнее положение и я, оттолкнувшись от поручня, подался вперёд. За спиной услышал реплику бортового компьютера, произнесённую неотличимым от натурального женским голосом: «Перелёт успешно завершён. „Скороход-десять“ прощается с вами и желает успеха вашей миссии.»

Несколько секунд ушли у меня на то, чтобы в состоянии невесомости преодолеть переходной отсек и едва я приблизился к входным воротам «Академика Королёва», раздался другой голос, теперь уже вкрадчивый мужской баритон: «Переходной отсек открывается. Вас встречает командир операционной базы „Академик Королёв“!»

Огромная планета отбрасывала черную тень на часть колец, отчего казалось, что огромный их сегмент кем-то откушен или отрезан колоссальными ножницами. Это невиданное зрелище стоило того, чтобы им полюбоваться!

Щёлкнул замок, и три лепестка входных ворот раздвинулись, освобождая проход. Передо мной буквально в паре метров оказался Королёв, только пока ещё не академик, а линейный штурман первого класса, командир орбитальной операционной базы. Нельзя сказать, чтобы он стоял, поскольку ноги его пола не касались; он висел в невесомости точно также, как и я. За спиной командира на двести восемьдесят метров тянулся Главный Коридор станции, едва освещаемый бледным светом энергосберегающих ламп.

– От лица личного состава операционной базы и себя лично приветствую вас на борту. – бодро брякнул командир, видимо, не особенно задумываясь над смыслом сказанного.

– Можно на «ты»? Здравствуй, Вадим! – я пожал руку старому знакомцу, – Года четыре не виделись?

– Четыре точно... со времени приёма у Президента. Ты, никак, поседел?

– Не бояться седин капитаны... – ответил я словами старой студенческой песни нашей Академии.

– Ведь столь долго они не живут! – тут же подхватил Вадим. – Но мы-то живее всех живых!

Мы пожали руки и ткнулись локтями – это специфическое приветствие космонавтов, привыкших проводить много времени в невесомости. Мы медленно поплыли вдоль Главного Коридора, прочь от переходного отсека. Вадим Королёв двигался вдоль поручня с одной стороны коридора, я – вдоль противоположного. В левой руке я держал свой бронированный кейс, единственный багаж, взятый с Земли. Этот кейс имел ценность, пожалуй, даже большую, чем моя собственная жизнь. Если не в моих собственных глазах, то в глазах моего руководства уж точно!

– Что же это получается, ты добрался в наши унылые дебри за сто восемьдесят часов полётного времени? Не могу поверить – у нас так быстро не летают! Это же Сатурн, это более семидесяти световых минут от Земли! – Вадим, как и положено радушному хозяину заполнял вакуум неопределенности чепухой и разговором ни о чём.

– Теперь летают, привыкай, брат. Я примчался на «Скороходе-десять», там такую фишку с псевдо-гравитацией замутили – это просто за гранью фантастики! Я когда читал техзадание на проектирование, не верил... когда читал техническое описание готового изделия – не верил! И даже сейчас, уже после полёта, не могу поверить... До десяти миллионов в час разгоняется за сорок часов – это просто феерия какая-то! Разгон и торможение по сорок часов, ещё сотня часов – на десяти миллионах... – лаконично пояснил я.

– Невероятно. Много слышал самых разных суждений о «Скороходе», признаюсь, не думал, что производитель выдержит заявленные параметры, был уверен, что на выходе скорость окажется раза в два ниже.

– Выдержали, я теперь сам тому свидетель. Правда, похудел на четыре килограмма, но для нашего брата это даже полезно.

– Как субъективно переносится сорок часов перегрузки?

– Нормально... Упал-уснул... Проснулся голодный, но есть не можешь, тотальное обезвоживание, да гликоген в печени почти как у трупа. Двадцать часов на медикаментозную реабилитацию, зато теперь пишу здоровьем, мою кровь можно переливать инвалидам и они поставят олимпийские рекорды, щетина стала проволокой, из неё искры высекать можно...

– То есть разрекламированная реабилитация работает?

– Ты знаешь, работает! Посмотри на меня: я по-прежнему молод, красив и талантлив! Хотя и показался тебе седым...

Перебрасываясь словами, точно шариком для пинг-понга, мы двигались вдоль Главного Коридора почти неторопливо.

Операционная база «Академик Королёв» представляла собой довольно замысловатую конструкцию, в первом приближении походившую на стакан, надетый на карандаш. Всё это хозяйство закручивалось вокруг оси вращения, проходившей через весь условный «карандаш». Этот самый «карандаш» с одной стороны имел группу стыковочных узлов, куда причаливали грузовые и транспортные корабли, а с другой – громадный диск, выполнявший роль щита от солнечного излучения и собственных атомных двигателей. Щит обычно был ориентирован на Солнце, так что станция находилась в его тени. Тень эта, правда, была довольно условна, поскольку в системе Сатурна главным источником света являлось отнюдь не далёкое и тусклое Солнце, а сам Сатурн, являвшийся главным фонарём для всех объектов в радиусе нескольких миллионов километров.

«Карандаш» согласно конструкторской документации, назывался Главным Коридором, здесь всегда была невесомость, ну или то, что можно считать невесомостью в первом приближении. А вот во вращавшемся вокруг Главного Коридора «стакане» уже присутствовало центробежное ускорение, вполне достаточное для имитации земного притяжения. В «стакане» находилась жилая зона операционной базы: личные помещения персонала, места общего пользования, лаборатории, ангары подготовки и наладки буровой техники, а также уникальные обогатительные цеха, восстанавливавшие из космической пыли и мусора чуть ли не всю таб-

лицу Менделеева. Всё-таки, «Академик Королёв» обеспечивал добычу полезных ископаемых на дальних спутниках Сатурна, а отнюдь не мониторинг погоды, так что определенная специфика в оснащении базы, безусловно, присутствовала.

Щит обычно был ориентирован на Солнце, так что станция находилась в его тени. Тень эта, правда, была довольно условна, поскольку в системе Сатурна главным источником света являлось отнюдь не далёкое и тусклое Солнце, а сам Сатурн, являвшийся главным фонарём для всех объектов в радиусе нескольких миллионов километров.

Вадим Королёв как и все настоящие космонавты выглядел сухощавым, поджарым, был быстр в движениях. Забавно, конечно, что человека с такой фамилией назначили командовать операционной базой «Академик Королев», ну да у нас в «Роскосмосе» юмористов хватает. Причём, чем выше у начальника должность и хуже с юмором, тем чаще он тужится шутить. Аксиома сия стара, как мир, но никем не опровергнута и по сей день.

Со стороны могло показаться, что встретились старые друзья, дружелюбные и внимательные, но только в ту минуту мы менее всего были друзьями. Согласно широко распространённому стереотипу, ревизор «Роскосмоса» является хтоническим чудовищем, уничтожающим и стирающим в порошок всех живых космонавтов на своём пути. Назначение ревизии – это дурное знамение для всех проверяемых, сродни комете для жителей средневековья или двухголовой курице для древних римлян. Командир операционной базы и его подчинённые не могут питать к ревизору «Роскосмоса» добрых чувств по определению, по законам жанра кто-то кого-то должен сожрать, вопрос заключался лишь в том, кто кого, на каком этапе и с какой формулировкой в приказе.

Мы достигли первого диаметрального коридора, позволявшего перейти из зоны невесомости в жилую зону операционной базы. Главный Коридор «Академика Королёва» пересекался тремя такими коридорами: первый вёл в жилую зону, второй – в производственную, третий – в складскую. В самом конце Главного Коридора помещалась огромная Платформа Силовой Защиты – ПСЗ – аж с восемью ядерными реакторами, питавшими её магниты. Платформа размером с полтора десятка футбольных полей почти всегда была ориентирована на Солнце и пока работали её магниты, обитатели операционной базы могли не бояться ни вспышек нашего светила, ни возмущений электромагнитного поля Сатурна. Иногда, правда, ориентация ПЗС изменялась – это происходило в тех случаях, когда особенно мощные потоки галактического излучения прорывались сквозь гелиопаузу и грозили угодить в район Сатурна. Подобные угрозы заблаговременно выявлялись спутниками радиационного дозора, двигавшимся вокруг планеты-гиганта по широким полярным орбитам. В случае возникновения подобных угроз операционная база разворачивалась огромной Платформой Силовой Защиты навстречу несущемуся из недр Галактики излучению. Её многометровая металло-керамическая толща была способна поглощать самые жестокие из всех известных удары природной стихии.

Достигнув диаметра коридора, мы разместились в грузовом лифте и поехали вниз. Понятия «верх» и «низ» быстро перестали быть относительны. По мере спуска появилась сила тяжести, вызванная радиальным вращением жилого блока и когда лифт замер на нижней площадке, центробежное ускорение уже на десять процентов превышало ускорение свободного падения на Земле. Проживая в таких условиях, космонавты реабилитировали свой организм, избалованный невесомостью и связанными с ней изменениями работы кровеносной системы.

Едва стихло фырканье пневматических демпферов и мы вышли из прозрачной клетки, Вадим продолжил прерванный было разговор:

– Я все подготовил для твоего размещения согласно заявленным требованиям: закрытый канал связи под персональный ключ, помещение в двумя выходами и...

– Что тебя смущает?

– Не совсем понятно про огнестрельное оружие, – признался Вадим.

– Защищенное место для хранения оружия? Это сейф. Чтобы я мог в него положить пистолет, если посчитаю нужным его оставить в каюте.

Пауза длилась на секунду дольше обычной, но чуть короче неприличной.

– Ты с оружием, что ли, примчался?

– Возможно, Вадим, имеет место какое-то недопонимание: я – ревизор «Роскосмоса», нас таких в штате Федерального Министерства всего двенадцать человек. Я не сдаю оружие ни в аэропорту, ни на космодроме. Ты не поверишь – я с ним даже ем омлет.

– Боюсь спросить про минуту интимного уединения с женщиной, – командир явно подпустил шпильку.

– Правильно, и не спрашивай. Я не уединяюсь с женщинами на минуту – это занимает гораздо больше времени.

– Ну... хорошо, я всё понимаю... Но ведь это ведь не аэропорт и не космодром. Это операционная база на орбите Сатурна! У меня, как командира, тоже есть пистолет, но только я никогда не достаю его из сейфа...

Я чуть было не брякнул «потому, что ты не расследуешь убийства», но сдержался. Воистину, великий оратор Цицерон был прав: иногда молчание равноценно уму.

– Вадим, меньше пафоса! – остановил я своего vis-a-vis. – Сейф оборудован в моей каюте?

– Да, разумеется, согласно требованию по размещению.

– Ну, и отлично. Ключ где я найду?

– Прямо на столе, войдешь – увидишь!

– А стол – перед топчаном.

– Ну да... перед спальным местом.

– Ничто не меняется в подлунном мире! – пробормотал я, но Вадим не оценил моей попытки пошутить. – Кстати, насчёт твоего пистолета – ты его из сейфа достань на всякий случай.

– А что, есть основания чего-то опасаться? Ждать неприятностей?

– Нет, Вадим, ни малейших оснований для этого нет. Но есть хорошая такая старая примета: когда прилетает ревизор «Роскосмоса» случается всякое. Не зря же про нас говорят: ревизор...

– Ревизор «Роскосмоса» хуже незваного гостя, – закончил мою мысль командир.

– Вот-вот! Так что насчёт твоего пистолета, считай, что это не совет, а приказ.

– Я понял...

Мы стояли в коридоре, обшитом белым негорючим пластиком, по обеим сторонам которого я видел по семь наглухо задраенных дверей. На нас действовало ускорение, превышавшее силу земного тяготения на десять процентов, в руке я сжимал свой драгоценный кейс и никуда более мы двигаться уже явно не планировали. Из чего я сделал вывод, что мы пришли.

– Вадим, ключик дай мне от каюты, дабы я мог освободить тебя от несвойственных обязанностей, – я счёл необходимым подтолкнуть мыслительный процесс командира базы в нужном направлении.

– Ах да, конечно, извини, – встрепенулся Королёв, запустил руку в нагрудный кармашек и вручил мне ключ-карту. – Через полчаса у нас в ситуационном зале запланирована встреча с руководителями подразделений и добывающих экспедиций. Я должен тебя представить, тебе ведь придётся с ними контактировать.

– Разумеется. Через полчаса я буду в ситуационном зале, дорогу найду, – я кивнул и, упреждая возможный поворот беседы, добавил. – Если хочешь о чём-то спросить, то сейчас самое время!

Вадим, наконец, решился задать волновавший его вопрос:

– Ты прилетел меня снимать?

– Что за глупости! Нет, конечно, – заверил его я и нисколько не обманул. Даже ободряюще похлопал по плечу.

Я действительно летел к Сатурну не для того, чтобы с позором разжаловать командира операционной базы. В конце-концов, это всегда можно было сделать на Земле. В своё путешествие я отправился единственно потому, что мне надлежало отыскать убийцу. Но именно в этом я до поры до времени никому не должен был признаваться.

Каюта полностью соответствовала капитанскому стандарту: большой гостевой холл с огромным видовым иллюминатором и два помещения направо и налево, кабинетом и спальней соответственно. К последней примыкал санитарно-гигиенический блок. Я быстро обошёл отведенные мне покои, проверил, как управляющая система реагирует на мой голос – а реагировала она правильно – после чего приступил к делу. У меня в голове имелся определенный план первоочередных действий и не существовало ни единой причины медлить с его реализацией.

Сначала я проверил сейф в спальне и сложил в него те вещи из кейса, которые мне не могли понадобиться в ближайшее время.

Затем достал персональный шифратор и активировал его – это позволило мне подключиться к компьютерной системе базы по защищённому каналу, недоступному никому из находящихся по эту сторону пояса астероидов. Поскольку предполагался значительный обмен информацией с Землёй, я должен был быть уверен в том, что никто из посторонних не будет в курсе его содержания.

Вживлённый в нейронную сеть моего мозга коммуникативный чип сразу распознал заработавший шифратор и перед глазами побежали ряды строк – это была заказанная мною расширенная библиотека личных дел на весь экипаж «Академика Кролёва». Также с Земли пришло сообщение от Панчишина, его-то, собственно, я и ждал.

Уставившись в иллюминатор, в угольно-черное небо, усыпанное причудливыми ожерельями звёзд, я мысленно приказал воспроизвести сообщение. Никакого диалога с находившимся в Центре управления полётами начальником, разумеется, быть не могло – электромагнитный сигнал летит до Сатурна более семидесяти минут, так что единственная форма взаимодействия с моим драгоценным шефом – приём и отправка сообщений. Писем, можно сказать. Как в Средние века. Правда, в отличие от Средних веков, письма эти были электронными, взломостойкими и летящими со скоростью света. Но тем не менее, задержка между отправкой сообщения и ответом на него не могла составлять менее ста сорока минут. Такие вот пространственно-временные реалии...

«Порфирий, здравствуй!» – зазвучал в ушах голос Николая Николаевича Панчишина, а на фоне неба в иллюминаторе появилось его худое скуластое лицо. Лица, разумеется, объек-

тивно не существовало – это работал чип в моём мозгу, рисуя своими микротоками в стриарной коре мозга записанное по уникальному протоколу изображение говорившего.

«Полные тексты всех экспертиз я посылаю тебе, чтобы ты ознакомился на досуге, но на словах скажу главное... Во-первых, труп не имеет отношения к российскому персоналу космической группировки в районе Сатурна. Другими словами, мы не знаем, кому принадлежит полученный нами труп и как он вообще попал в транспортный корабль „Роскосмоса“. Во-вторых, судебно-медицинская экспертиза подтвердила первоначально высказанное предположение о причине смерти неизвестного: проникающее в мозг ранение неизвестным орудием. У убитого присутствует раневой канал длиной тринадцать сантиметров, прошивающий оба полушария мозга от левого уха к правому глазу, но в нём нет ни пули, ни дротика, ни того предмета, которым можно причинить такое повреждение. Больше всего это похоже на то, что голову убитому попросту просверлили. В-третьих...»

В иллюминатор торжественно и безмолвно вливал Сатурн. Для создания искусственной тяжести, станция, похожая на огромный стакан, вращалась и потому при каждом обороте величественная планета то попадала в поле зрения её насельников, то выходила. Картина была за гранью восторга – это было нечто, ни на что не похожее. Планета казалась светлее, чем на большинстве известных изображений, казалось, что с такого расстояния я могу видеть движения её облачного покрова, хотя это была всего лишь иллюзия.

Кстати, иллюзией было и то, будто я наблюдаю это зрелище напрямую. На самом деле, в прочном корпусе операционной базы не существовало прорезей для иллюминаторов – их имитировали мониторы высокого разрешения, транслировавшие изображение размещённых вне станции обзорных камер. Но органы чувств воспринимали иллюзию, как реальность, и доставляли этим, кстати, немалое удовольствие.

«В-третьих», – продолжал голос начальника в моей голове, – «наши судмедэксперты оказались по-настоящему молодцами и очень внимательно исследовали раневой канал. На его стенках и дне были обнаружены микрочастицы нано-модифицированного углепластика и кристаллы боро-ванадиевого сплава. Думаю, ты понял, что это означает – нашу жертву убили в космосе, когда на ней находился скафандр. Скафандр был не российского производства, поскольку ни углепластик, ни кристаллы не соответствуют стандартам „Роскосмоса“. Мы проверили все скафандры, когда-либо находившиеся в эксплуатации у нас, так что вывод безошибочный, можешь в этом не сомневаться. В-четвёртых, труп не подвергался заморозке. В-пятых, судмедэксперты отметили следы – хотя и не ярко выраженные – баротравмы. Это хорошо согласуется с предположением о том, что погибший в момент смерти был облачён в скафандр и погиб в космосе, ну... или ином месте с пониженным давлением дыхательной смеси.»

«Да понятно уже! Что там с ДНК у нас?» – не вытерпел я, забыв на секунду, что шеф меня слышать не может и связь у нас сугубо односторонняя.

«Ну, и наконец, в-пятых, о ДНК убитого. Подключены лучшие специалисты из нескольких профильных научных центров, перед ними поставлена задача выжать что-нибудь из генетического набора прилетевшего к нам на Землю трупа. Мы далеко продвинулись в изучении человеческого генома, так что на анализ ДНК убитого мы возлагаем большие надежды. Уже есть кое-какие результаты, но нельзя сказать, что они ведут нас к персонификации жертвы. Ясно, что убитый имел предков, принадлежавших к гаплогруппе эр-один-а и эр-один-бэ, что заставляет предполагать наличие его корней среди жителей Западной Европы: Шотландия, Ирландия, Великобритания, Франция, откуда-то оттуда. Примерно в четвёртом или пятом поколении один из его предков страдал „синдромом взрывающейся головы“ – это очень редкое генетическое отклонение, но наши специалисты его, всё-таки, установили. На этом пока всё! Сам понимаешь, доступа к западным базам данных по ДНК населения у нас нет, так что мы можем оперировать такого рода информацией только в пределах России.»

Я откинулся было на низкую кушетку, рассчитывая услышать ещё что-то, но шеф неожиданное закончил своё обращение:

«Так что, Порфирий, ситуация по прошествии времени не только не упрощается, но только запутывается. У нас есть видеозапись аутопсии трупа Регины Баженовой, проведенной на борту „Академика Королёва“, но нет самого трупа. Зато есть неопознанный труп мужчины, доставленный на Землю под видом трупа Баженовой и с сопроводительными документами на последний. Совершенно непонятен как механизм подмены трупов, так и цель этой проделки. Неизвестный труп принадлежит мужчине, убитому в космосе и, по-видимому, облаченному в момент смерти в скафандр не-российского производства. Труп неизвестного доставлен на Землю грузовиком „Роскосмоса“ в запечатанном гробу, в котором надлежало доставить труп Баженовой. Поэтому, твоя первая задача состоит в том, чтобы разобраться, кто же именно фактически запечатывал гроб с телом Баженовой и каким образом вместо одного трупа внутри оказался другой? Всё внимание – на снаряжение грузовика: кто проходил через причальный модуль? сколько раз? какие грузы сопровождал? Все записи должны быть на операционной базе, покопайся! Ну и само-собой, неплохо бы установить происхождение неизвестного трупа: как вообще он оказался на борту „Академика Королева“? Что это за зомби такой? У них там на орбите Сатурна – что? – самозарождающаяся жизнь?! Желаю успехов, жду рапорта о проделанной работе. Желаю всего наилучшего!»

Шеф щёлкнул пальцами в присущей ему манере и через секунду его лицо исчезло. Я понял, что сообщение окончено. Некоторое время я раздумывал над тем, не направить ли начальнику сообщение о собственном благополучном прибытии на базу, но решил это сделать после встречи с руководителями подразделений. В конце-концов, сообщение на Землю должно нести некую содержательную информацию, а просто рассказывать о давешнем времяпровождении.

Придя к такому решению, я решил поговорить с Людмилой Акчуриной, одним из трёх штатных врачей на борту операционной базы. Именно она производила вскрытие трупа Баженовой и его последующее сопровождение вплоть до погрузки в транспортный корабль. Собственно, этот разговор стоял первым в повестке моих действий, выработанной ещё до отлёта.

Отыскать доктора оказалось несложно – я голосом вызвал бортовой компьютер (он отозвался глубоким и чувственным контральто) и попросил соединить меня с Людмилой. Буквально через пару секунд – меня будто ждали! – в каюте послышался неожиданно весёлый женский голос:

– По-прежнему Акчурина!

Изображение отсутствовало, связь была сугубо голосовая, хотя качественная. Мне показалось, что женщина стоит в шаге от меня.

– Здравствуйте, Людмила! Вас беспокоит Порфирий Акзатнов, ревизор «Роскосмоса». – как воспитанный человек я не мог не представиться. – Буквально четверть часа назад я прибыл на борт базы и хотел бы с вами повидаться.

– Есть какие-то вопросы ко мне... – фраза прозвучала то ли как полу вопрос, то ли как полу утверждение, а женский голос моментально сделался серьёзнее.

– Не так, чтобы много... – я просто не знал, как ответить на услышанное.

– Это хорошо! У меня тоже есть вопросы к вашему департаменту. – женщина как будто взяла себя в руки и голос её снова зазвучал весело и непринуждённо. – Не к вам лично, конечно, а вообще...

– Постараюсь ответить. Мы можем увидеться прямо сейчас?

– Разумеется. Не в моих традициях переносить встречу с мужчиной на завтра, если можно встретиться сегодня. Приходите ко мне: каюта один-пять-три «желтый» коридор. Вы где, вообще-то, находитесь – в Главном Коридоре или уже спустились в зону тяготения? В зоне

тяготения три основных коридора, где обитает наш народ. Они различаются цветом маркировки на стенах – желтый, красный и синий.

– Да-да, я в курсе, – мне пришлось остановить словоохотливую даму. – И про цвета коридоров, и про шутки о сумасшедшем доме, где стены выкрашены в цвета радуги, чтобы олигофрены не терялись... всё остальное тоже знаю в общих чертах... Если через три минуты я постучу в вашу дверь, вы будете меня ждать?

– О да! За три минуты я даже успею принять душ и помолиться.

Перед выходом из каюты я ещё раз проверил раскладку своих вещей: в сейф положил запасной коммуникативный чип, набор подгружаемых элементов памяти, аптечку со спецхимией на все случаи жизни, персональный шифратор, а вот пистолет пригрел в кармане на левом бедре. Что ж! самое время заняться прямыми служебными обязанностями и начать задавать неприятные вопросы приятным дамам.

«Жёлтый» и «синий» коридоры являлись жилыми, помещения в них были заполнены почти полностью. «Красный» коридор, насколько мне было известно, пустовал более чем наполовину. Отсек под номером «один-пять-три» в «жёлтом» коридоре оказался отделен от моего, имевшего номер «семь-восемь», примерно сотней или чуть менее метров. Я находился в зоне искусственного тяготения, так что это расстояние мне пришлось преодолеть пешим ходом – быстрым, бодрым и пружинистым, примерно так я хожу по Невскому проспекту, когда имею намерение пересечь его максимально быстро. Коридор, отмеченный по стенам широкой жёлтой полосой – и именно ей обязанный своим условным названием – оказался совершенно пуст. Этому не следовало удивляться: огромная операционная база имела более восьмисот помещений, так что её экипажу из тридцати трёх человек, было где затеряться.

Едва я подошёл к нужной двери, замок щёлкнул и дверь приглашающе откатилась. Я шагнул в отсек и очутился в стандартном жилом помещении – прямо напротив входа иллюминатор, под ним стол с откидными стульями, у одной стены – шкаф со стеклянными дверцами, у другой – откидная кровать. В углу направо закрытая дверь, очевидно, переход в отсек гигиены. Хозяйка этих владений оказалась похожа на саму себя, заочно я уже хорошо был с нею знаком. Тридцать четыре года, высшее медицинское образование, полётный стаж три с половиной года, из них в системе Сатурна почти два. При росте метр семьдесят обладательница флуоресцентного значка с эмблемой станции «Академик Королёв» и надписью «14. Людмила Акчурина» не доставала мне до подбородка, так что смотреть мне пришлось на неё сверху вниз.

– Вы выше, чем мне показалось, – пробормотала женщина, отступив на шаг.

– Я ещё и злобный, – мне пришлось согласиться. – Поскольку времени у вас мало, а у меня – ещё меньше, сделаю вам непристойное предложение. А именно: предложу сразу рассказать мне всё, что вы обязаны сказать мне как врач, исполняющий обязанности судебно-медицинского эксперта. Сразу уточню, что меня интересуют детали вашей работы при вскрытии и последующем изучении трупа Регины Баженовой.

– Я кажется понимаю, о чём вы говорите. Но прежде чем мы заговорим о делах таинственных и подозрительных, я хотела бы сделать вам подарок... тоже таинственный и подозрительный. Вам понравится!

Мне показалось, что женщина не поняла серьёзность ситуации и пытается шутить, а потому я упредил ненужный мне поворот разговора:

– Предлагаю обойтись без подарков.

– Нет, вы всё-таки его возьмите. Скажем так – это свидетельство моего намерения во всём вам помогать, – после этих странных слов Людмила запустила руку в накладной кармашек на груди и извлекла из него нечто, похожее на шарик из жёлтого металла в три сантиметра диаметром. Впрочем, приглядевшись, я понял, что это непростой шарик – сквозь высверленные в поверхности отверстия была видна сфера из жёлтого материала, вставленная внутрь; в ней

в свою очередь были просверлены отверстия и можно было видеть, ещё одну сферу опять же из жёлтого металла меньшего размера. Эдакие китайские шары один внутри другого.

– Выглядит замечательно, – согласился я. – Что это вообще такое?

Признаюсь, я немного удивился. Не так, чтобы сильно, но очевидная неуместность поведения собеседницы несколько сбила меня с толку.

– Это вечный двигатель, – просто объяснила Акчурина. – Он приводится в движение нажатием пальцами вот здесь... а останавливается – нажатием пальцами вот тут...

Женщина показала на внешнем шарике места помеченные тонкой гравировкой: пара крестов, расположенных диаметрально, и пара ромбов. Я следил за её руками и молчал, чувствуя, что ситуация складывается абсурдная и лучше не мешать ей поскорее зайти в тупик.

– Чем сильнее вы сдавите крестики, тем больший импульс получит шар, – продолжила после небольшой паузы Акчурина. – И тем больший круг он будет описывать при своём движении. Движение это не закончится никогда до тех пор, пока вы не возьмёте его в руки и не сожмёте пальцами там, где нарисованы ромбы.

– Ага, понятно... вечный двигатель – это креативно, не спорю. В другом кармане у вас, очевидно, фотонный двигатель? – поинтересовался я.

– Нет, фотонного двигателя у меня для вас нет, есть только вечный. – Людмила с самым серьёзным лицом на секунду присела и запустила шарик. Он медленно покотился по дуге и через четыре секунды сделал вокруг нас полный круг, после чего движение не прекратил и покотился по радиусу дальше.

Я молчал, не зная, как реагировать на эту игрушку. На секунду появились сомнения в адекватности собеседницы, но я их сразу же отогнал – с головой у Акчуриной всё было в полном порядке, уж в этом-то можно было не сомневаться. Но что за комедию она ломает и для чего, я понять не мог. Шарик между тем накручивал вокруг нас круги и движения своего не замедлял. После пятого круга я решил, что незачем терять время и надо переходить к делу:

– Долго это будет продолжаться?

– Я же сказала – двигатель вечный. Он не остановится, если его не остановить принудительно. Ради интереса я его запускала на неделю без остановок. Кстати, его движения по кругу очень хорошо усыпляют, если вы, конечно, страдаете от бессонницы.

– От бессонницы, говорите... – я почувствовал, что начал потихоньку закипать. – У меня действительно сейчас мало времени, буквально через десяток минут или даже меньше мне надо будет присутствовать на встрече с руководителями подразделений, а потому в ваших интересах ответить на мои вопросы как можно быстрее и точнее.

– Вы, наверное, хотели сказать, правдивее, – поправила меня Людмила и вот тут я заподозрил, что она попросту надо мной издевается.

– Я хотел сказать именно то, что сказал. – мой ответ, по-видимому, прозвучал крайне невежливо. – Давайте закончим шоу с этим забавным шариком и перейдём к делу.

– Давайте, перейдём, – моментально согласилась Людмила. Она вновь присела на корточки и подхватила шарик, заходивший на очередной круг. Поднявшись, Акчурина поднесла к моему лицу раскрытую ладонь и я увидел, как шар продолжает беззвучно крутиться, словно пытается вырваться на свободу. Женщина сжала ладонь, остановив на секунду вращение странной игрушки и сдвинула пальцами отмеченные ромбами места. После этого опять раскрыла ладонь и стало видно, что вращение прекратилось – теперь это был обычный шар с дырками, в которые виднелись внутренние шары. В этот раз при взгляде на странную игрушку я обратил внимание на то, что выглядит она идеально отполированной: никаких следов пайки или какой-либо механической обработки поверхности не было заметно.

– Дарю, – Акчурина опустила мне в левый нагрудный карман шар и я понял, что это весьма тяжеловесная штучка. Несмотря на небольшой размер весил подарок явно поболее сотни грамм и заметно оттягивал карман.

– Он – что? – из золота сделан? – я не сдержал недоумения.

– Именно, что из золота.

– Дорогой подарок, стало быть.

– Вообще бесценный! – кивнула Акчурина. В нашем разговоре с самого начала ощущалась какая-то недоговорённость и саркастический подтекст, но я никак не мог понять, что именно мне надо сказать или сделать, чтобы побудить собеседницу высказаться начистоту. Диалог складывался как-то неловко, даже по-дурацки и я чувствовал некоторое раздражение оттого, что позволил себя втянуть в него. Вместе с тем в происходившем ощущался некий подвох и следовало признать, что всей этой вознёй с шариком Людмила сумела до известной степени меня заинтриговать.

– Ну, хорошо, Людмила, теперь, когда развлекательная часть программы окончена, давайте перейдём к протокольной. Это ведь вы проводили вскрытие тела Регины Баженовой... – я произнёс фразу так, чтобы было ясно – это не вопрос.

Моя собеседница подняла глаза и внимательно посмотрела мне в лицо. От прежней смешливости не осталось и следа. Людмила, по-видимому, уже поняла чем должен закончиться этот разговор.

– Ни на секунду не сомневаюсь, что вы знаете правильный ответ и даже просмотрели видеозапись со всеми моими манипуляциями, – кивнула Акчурина. – А что, есть вопросы по моему заключению?

– Нет, речь не об этом. О том, что последовало с телом далее.

– Я подготовила его к переправке на Землю согласно действующему «протоколу двести». Тело было помещено в пластиковый мешок... ну, вы в курсе изготовления наших «мягких консервов»... туда был закачан инертный газ, а мешок в свою очередь закрыт в два герметичных бокса. Их называют «матрёшками», поскольку слово «гроб» космонавты не признают, не проносят и не едят.

– Да, про «матрёшки» и «мягкие консервы» я осведомлён достаточно. Кто присутствовал при этих манипуляциях?

– Никого, кроме меня. Это хорошо видно по сохранённой видеозаписи.

– Почему? Ведь в составе экипажа кроме вас ещё два врача имеют вторую специальность патологоанатома.

– «Протокол двести» не требует группового участия. Обязательна фиксация объективными средствами контроля – и всё. Ну, разумеется, с соответствующей верификацией и соблюдением процедуры: непрерывная запись, сохранение битности цвета, совпадение аудио-сопровождения... ну, вы всё это знаете и без меня. Баженова отнюдь не первый человек, погибший в космосе, и даже не из первого десятка. Насколько я знаю, только первых погибших вскрывали и отправляли на Землю комиссионно, потом это стало работой для одного. Никаких особых физических нагрузок все эти манипуляции не требуют, процесс упаковки тела полностью автоматизирован.

– Ладно, вы подготовили тело к отправке, – согласился я, не желая углубляться в ненужные сейчас детали. – Что последовало потом?

– Подняла герметичный бокс грузовым лифтом в Главный Коридор и далее транспортёром – в корабль. Это всё можно восстановить по нашей внутренней записи, она ведь ведётся непрерывно.

– Она не ведётся за пределами шлюзового перехода.

– А-а, поняла... Вас интересует весь путь «матрёшки». Хорошо, продолжу мысль: я доставила транспортёром контейнер на главную грузовую палубу транспортного корабля и там оставила. Размещение груза внутри транспортника – это не моя прерогатива. У нас есть два могучих кладовщика, которые сообразно правилам набивают трюмы кораблей, отправляемых на Землю. Центровка грузов, закрепление, очередность выгрузки, биологическая опас-

ность – это всё надо учитывать! Это ж целая наука! Правда, грош ей цена, мы-то это понимаем, но вслух не говорим. Фамилии наших кладовщиков...

– Я знаю их фамилии. – остановил я собеседницу. – Хорошо, будем считать, что я вас услышал. Дайте мне, пожалуйста, носитель своего цифрового ключа, которым вы пользовались при наложении пломб на транспортный контейнер.

Я не просто потребовал, я ещё и протянул руку. Когда я прошу именно так, люди мне обычно не отказывают. То есть, может, и отказывают, но я такого не помню.

– Вы подозреваете, что кто-то сорвал мои пломбы, поместил нечто в «матрёшку» с трупом и наложил новые пломбы, имитирующие мои? – нетвёрдо спросила Акчурина. Похоже, моя интонация её здорово взволновала.

– Мы не обсуждаем здесь, что подозреваю я. Мне нужен ваш персональный ключ. Его физический носитель. И в ваших же интересах отдать мне его сейчас же, дабы снять с себя всяческие подозрения. Если было всё так, как вы утверждаете, то вы ничем абсолютно не рискуете.

Людмила хотела что-то сказать, но неожиданно тренькнул звонок за спиной. Я скосил глаза и увидел на экране переговорного устройства знакомый лик командира операционной базы, потупившего очи долу. «Порфирий, пора в Ситуационный зал, руководящий состав изнывает от нетерпения», – донёсся из динамика его голос.

Вадим Королёв вторгся со своим приглашением совершенно некстати. Мне не хватило буквально двух минут, чтобы договорить с Акчуриной.

– Ключ с собой не ношу. Он мне нужен только на рабочем месте, – быстро ответила Людмила, похоже, она успела собраться с мыслями. – Поэтому физический носитель ключа находится в сейфе в медицинском отсеке в «красном» коридоре.

– Отлично. Моя беседа с местным руководством не займёт более получаса, так что давайте встретимся в медицинском отсеке через полчаса. – я понял, что момент упущен и дамочку надо будет дожимать позже. Сделав шаг назад, ударил по сенсору и открыл дверь в коридор, за которой меня дожидался командир базы.

Королёв кивком поприветствовал Акчурину и раскрыл было рот, чтобы что-то сказать мне, но я его опередил:

– Вадим, ты как меня здесь нашёл?

– Да очень просто, узнал кому ты позвонил и отправился по следу.

– Это очень нехорошо для капитанской кармы, – пошутил я.

– Что именно?

– Пытаться следить за ревизором «Роскосмоса».

Так называемый «Ситуационный зал» являлся сверхзащищенным убежищем, из которого должно было осуществляться управление операционной базой в случае её фатального повреждения небесным телом или техногенной аварией. Все прочие отсеки, помещения, флэты и модули могли быть выведены из строя, но оборудование «Ситуационного зала» и находящиеся в нём люди должны были остаться невредимы. Ну, или по крайней мере, погибнуть последними.

Размеры помещения и его оснащение были весьма впечатляющи. В принципе, в нём можно было устроить олимпийский бассейн. По периметру под потолком тянулся бесконечный обзорный экран, позволявший визуально оценивать обстановку вокруг станции во всех секторах и широком диапазоне излучений. Посреди зала находился интерактивный стол длинной, думаю, метров пятнадцать, если не больше. На нём можно было отображать любую обстановку, как внешнюю, так и внутри станции. Вдоль стен ниже обзорного экрана размещалось разнообразное технологическое оборудование – от холодильников с продуктами, лекарствами и техническими расходными материалами, до кладовых со всевозможным снаряжением и ска-

фандрами. В случае беды «Ситуационный зал» должен был стать убежищем всей команды, обеспечив каждого питанием, теплом, воздухом и возможностью покинуть помещение по прибытии спасательного корабля.

Я думал, что космической техникой удивить меня сложно, но размеры и оборудование Ситуационного зала на борту «Академика Королёва» произвели на меня немалое впечатление...

– Четыре года наша операционная база успешно обеспечивает добычу самых разнообразных ресурсов в системе Сатурна и никогда прежде «Роскосмос» не ревизовал нашу с вами работу. – негромко бубнил командир, сидевший направо от меня. – Но подошёл момент, когда определённые вопросы по дальнейшей интенсификации добычи, величине себестоимости и номенклатуре добываемых ресурсов требуют если не пересмотра, то как минимум, уточнения. Все вы были предупреждены о плановом посещении операционной базы штатным ревизором «Роскосмоса» и сейчас я имею честь вам его представить: Порфирий Иванович Акзатнов, заслуженный космонавт, классность – первая, космический стаж пятнадцать лет, в должности ревизора последние четыре с половиной года.

Меня буравили девять пар глаз. Не сказать, чтобы сидевшие за длинным столом смотрели на меня с оптимизмом, скорее – настороженно и недружелюбно. Думаю, я смотрел на них так же, ведь очень вероятно, что разыскиваемый мною преступник сейчас находился в их числе. И у меня вовсе не было уверенности, что я понимаю, как его надлежит разоблачать.

– Позвольте, я представляю присутствующих, – командир обратился теперь ко мне.

Мне оставалось лишь кивнуть.

За столом помимо меня и командира находились ещё девять человек – это всё были лица из так называемого «руководящего состава», деятельность которых мне, согласно легенде, и предстояло проверить. Вадим Королёв начал представлять сидевших; процедура эта была во многом формальна, но совершенно необходима, дабы в последующем никто из моих *vis-à-vis* не мог отговориться незнанием того, кто я такой и каков мой статус.

– Направо от меня – начальник Группы движения Капленко Олег Васильевич. – монотонно полился речитатив Королёва. – Он отвечает за энергетику операционной базы, свет, воздух, регенерацию, очистку, на нём плазменные печи наших обогатительных производств и все восемь ядерных реакторов. Его работа напрямую влияет на себестоимость производимого нами продукта. В подчинении Олега Васильевича семь инженеров – это самая большая структурная группа в составе постоянного экипажа базы. Рядом с ним – опять-таки, по правую руку – Капленко Ольга Васильевна. Это не жена Олега – подчеркиваю! – она его родная сестра...

Вадим пытался шутить, дабы разрядить обстановку, и все это поняли – присутствующие заулыбались и зашевелились в креслах. Брата и сестру Капленко я хорошо запомнил ещё при ознакомлении с личными делами экипажа, поэтому сейчас слушал Вадима в пол-уха. Подняв глаза к потолку, я наблюдал за величественным Сатурном, висевшим на экране прямо напротив меня, десятками его колец, хорошо различимыми с этого расстояния, и внушительных размеров оранжевым спутником, неторопливо выплывавшим из тени планеты. По-видимому, это был Титан, если я правильно усвоил справочный материал по спутниковой системе планеты. Титан казался большим, примерно вдвое меньше диска Луны, видимого с Земли, а ведь расстояние до него превышало миллион километров! Несмотря на большое расстояние с борта «Академика Королёва» хорошо просматривались флуктуации мощной атмосферы этого огромного спутника, второго по размеру в Солнечной системе. Можно было без всяких затруднений видеть участки светло-оранжевой высотной дымки и области более тёмной облачности, расположенные ниже. Их хаотическое распределение чем-то напоминало не до конца взбитый в миксере яичный желток. Много ближе к Сатурну был хорошо различим другой большой спутник – то ли Диона, то ли Рея. В отличие от Титана – этого углеводородного царства,

имевшего буро-оранжевый цвет – второй спутник казался почти белым, точнее цвета слоновой кости. Он явно был ледяным и, возможно, именно на нём человечество когда-нибудь откроет какую-либо нелепую форму жизни...

Много ближе к Сатурну был хорошо различим другой большой спутник – то ли Диона, то ли Рея. В отличие от Титана – этого углеводородного царства, имевшего буро-оранжевый цвет – второй спутник казался почти белым, точнее цвета слоновой кости. Он явно был ледяным и, возможно, именно на нём когда-нибудь человечество откроет какую-либо нелепую форму жизни...

– Ольга Капленко возглавляет медико-биологическое подразделение операционной базы. – Вадим продолжал свою вводную часть. – По нормам «Роскосмоса» на каждые десять постоянных членов экипажа должен приходиться хотя бы один врач. У нас три врача и ещё три в составе биологической станции. Мы все работаем над основной задачей в области медико-биологической проблематики, поставленной руководством, а именно – зачатие, вынашивание и рождение первого здорового ребёнка в условиях Внеземелья. Обеспечение цикла воспроизводства человека от «а» до «я».

– Над этим работают все экипажи космических кораблей последние лет двадцать, – я не удержался от того, чтобы прокомментировать последний пассаж Вадима. – С некоторых пор полёты в космос стали очень сексуальным мероприятием.

– Да, тем более, что «Роскосмос» объявил весьма немалую премию за успех в этом деле. – поддакнул командир не без иронии. – Десять миллионов – это немалая сумма даже для тех ленивцев, кому неинтересен секс ради секса.

Раздались смешки. Обстановка в ситуационном зале явно теплела.

– Ольга Васильевна отслеживает у нас этот процесс, чутко контролирует, так сказать, но лично не вмешивается... – пытался шутить Вадим, но это уже было неуместно. Я его остановил:

– С этим понятно. Дальше, пожалуйста.

Быть может, это было грубо, но фривольности с подчинёнными недопустимы.

– Афанасьев Олег Владимирович, – командир продолжил перечисление присутствующих. – Он возглавляет аварийно-спасательную группу и группу дежурного обеспечения. Состав групп взаимозаменяем, в подчинении у Олега Владимировича шесть инженеров. Далее за ним – Баштин Александр Сергеевич, руководитель Экспедиции номер один с переменным составом: пока три человека добывают сырьё на мелких ретроградных околополярных спутниках Сатурна, три других занимаются его обогащением на борту операционной базы, раз в неделю эти тройки меняются местами, обеспечивая возможность физического восстановления в условиях искусственного тяготения. Напротив него по другую сторону стола – Завгородний Андрей Николаевич, возглавляющий Экспедицию номер два, Ткачук Ирина Юрьевна и Бутакова Елена Павловна. Дамы руководят Экспедициями номер три и четыре соответственно. Их штат и организация работы во всём аналогичны экспедиции номер один. Экспе-

диция номер два занята добычей полезных ископаемых из колец Сатурна, благо это рядом и относительно просто. Экспедиция номер три работает на Титане, где занимается не только изучением ресурсной базы, но и отработывает технологии строительства заглубленных убежищ для крупного поселения, развёртывание которого планируется в перспективе. Четвёртая экспедиция – это, выражаясь метафорически, наши кормильцы, они добывают водород, рабочее тело наших реактивных двигателей, из атмосферы Сатурна.

– Да-да, я в курсе, очень приятно, – механически кивал я.

– Лось Виталий Николаевич управляет группой материально-технического обеспечения из четырёх человек, а Лариса Ивановна Янышева – группой дальней разведки и мониторинга. Лариса отработала в системе Сатурна два контрактных срока, первый – ещё до ввода в строй нашей операционной базы. Это наш опытнейший пилот, она накрутила здесь такой километраж, что до звезды Барнарда ближе будет... ну, до Альфы Центавра точно ближе! Штатная численность экипажа шестьдесят человек, двенадцать из них сейчас находятся в плановых экспедициях по добыче ресурсов. Списочный состав, находящийся на борту – сорок восемь человек, фактическое наличие на станции сорок семь человек. Один член экипажа отсутствует и пока не замещён – это Баженова Регина Анатольевна, погибшая в результате несчастного случая, она являлась членом экспедиции номер один. Все мы хорошо её знали...

– Предлагаю почтить память погибшего товарища вставанием. – ловко закруглил я фразу командира.

Все безмолвно поднялись, некоторое время постояли в тишине. Я внимательно наблюдал за присутствующими, благо место в торце стола делало это очень удобным. Никто не переглядывался и глазами не стрелял. Неочевидные «горизонтальные связи» в малознакомой группе людей обычно удаётся распознать во время застольных тостов или группового выполнения команд, поскольку симпатизирующие друг другу люди имеют привычку переглядываются, сверяя свою реакцию с реакцией единомышленника. В данном случае никто ни на кого даже не глянул – все молча встали, впериw глаза в стол, и также молча сели обратно после моего предложения продолжить мероприятие.

Далее командир живо повёл свою речь к логическому завершению:

– Прежде чем передать слово Порфирию Ивановичу, хотел бы напомнить присутствующим о безусловной обязанности всех должностных лиц оказывать ревизору «Роскосмоса» всяческое содействие в его работе. Сокрытие или искажение информации, а также непредоставление запрошенных ревизором данных, автоматически влечёт отстранение от исполнения обязанностей, а в дальнейшем – ответственность вплоть до уголовной.

Что ж! Вадим Королёв оказался на высоте возложенной на него задачи. Пришло время мне взять руководство процессом в свои руки.

– Я благодарю командира за его образное и энергичное вступление, но уверен, что никаких санкций не потребуется. – я начал свой монолог предельно корректно и позитивно. В конце-концов, главная задача этой встречи заключалась именно в том, чтобы максимально успокоить экипаж операционной базы и неизвестного пока что мне преступника. – Во всяком случае за всю историю «Роскосмоса» ещё ни один космонавт не был отстранён от исполнения обязанностей за противодействие ревизии.

За то время, что мы сидели за этим столом, Титан уже вышел из тени Сатурна. Я невольно перевёл взгляд на индикатор часов на соседнем экране – до встречи с Акчуриной оставалось двадцать минут, даже чуть меньше, и опаздывать я вовсе не собирался.

– Управляемый термоядерный синтез обеспечил нам колоссальный прорыв в космическом двигателестроении. – продолжил я заранее подготовленный монолог. – Всего пятнадцать лет назад корабль «Роскосмоса» совершил первый пилотируемый облёт Сатурна и это казалось невероятным достижением! А сейчас полёты сюда стали обыденными. Мы на постоянной основе добываем здесь уникальное сырьё в промышленных масштабах. Более столетия пило-

тируемая космонавтика являлась сугубо дотационной отраслью, но за последнее десятилетие она стала не только самокупаемой, но и приносящей колоссальный доход. Отчёты крупнейших добывающих космических компаний о величине извлеченных и отгруженных материалов влияют сегодня на котировки мировых бирж не в меньшей степени, чем колебания валют или заявления первых лиц величайших государств мира. «Роскосмос» – крупнейшая в мире компания, ведущая промышленную добычу сырья в дальнем космосе, а операционная база «Академик Королёв» – одно из самых рентабельных подразделений в составе корпорации. Благодаря вашей работе стоимость родия, золота, платины, осмия и бериллия упала на порядок. Добываемые вами металлы и драгоценные минералы влияют на котировки примерно половины торгуемых на мировых биржах ресурсов. Полёт «Юрия Долгорукого» к звезде Барнарда, подготовка к которому, как вы все хорошо знаете, вышла сейчас на финишную прямую, стал возможен как раз потому, что в системе Сатурна нам удалось наладить промышленную добычу родия, из которого будет сделано зеркальное напыление его щита, а также осмия и бериллия. Думаю, вы и без меня знаете, что это лучшие материалы для многослойных щитов космических кораблей.

Я перевёл дыхание и обвёл взглядом присутствующих. Меня внимательно рассматривали и слушали – уж не знаю, верили или нет, но тишина в ситуационном зале стояла полнейшая. Если бы гипотетическая муха умерла бы на лету и упала на стол, то звон стоял бы, как от разбитого хрустального бокала...

– Принимая всё это во внимание, – продолжил я свой весьма вздорный речитатив. – наше федеральное министерство считает уместным провести ревизию работы станции так сказать по месту пребывания. Сразу оговорюсь, что речь не идёт о ловле блох, уж извините за фигуральное выражение, о мелочных попытках кого-то на чём-то подловить... изобличить... или – не дай Бог! – устроить публичную порку... цель моего появления здесь следует рассматривать много шире. Меня будет интересовать прежде всего напряженность грузоперевозок, их связь с реальной добычей и бункеровочными запасами добытого материала на базе... сами понимаете, величину загруженных в хранилища и не отправленных на Землю грузов «Роскосмос» заинтересован максимально уменьшить... ибо это издержки! Одна из задач порученной мне ревизии – объективная оценка себестоимости и сопутствующих расходов... варианты их минимизации... возможность кратного увеличения числа добывающих экспедиций... а также их численности... и экономическое обоснование этого процесса...

– А это никак нельзя было сделать дистанционно, посредством построения и анализа математической модели? – неожиданно подала голос Бутакова, начальник Экспедиции номер четыре. – Ведь прекрасная матмодель была разработана ещё до постройки базы! В общем-то, я сама её обсчитывала... ну, отчасти... Смысл вашего появления здесь, так сказать, во плоти в чём состоит? Ловить вы нас не будете – хорошо, спасибо за разъяснение, мы это уже поняли – тем более, что никто из нас бежать и не собирается. Незаметно убежать из системы Сатурна на Землю довольно проблематично. Так вот отсюда рождается вопрос: чем вы на самом деле будете заниматься, господин ревизор?

Признаться, я даже крякнул от такой фривольности. Перебивать меня на её месте было верхом наглости.

– Матмодель, разработанная компанией «Кавендиш» ещё одиннадцать лет назад сильно устарела. Многие параметры, заложенные в неё, отличаются от реализованных на практике, в разы. Например, выход пустой породы оказался ниже предполагаемого более чем в три раза.

– У нас хорошие лазерные пушки, отличные масс-спектрометры и мы не ошибаемся в выборе нужного камня. – парировала Бутакова. – Потому и пустой породы у нас мало!

– Это прекрасно. – я не вполне понимал как реагировать на эту реплику. – Вас никто не ругает за хорошую работу, а наоборот, все хвалят... Но параметры нуждаются в уточнениях, а таковых параметров, кстати, едва ли не три десятка. Начиная от затрат электроэнергии для

плазменных печей восстановительного цикла и заканчивая, уж простите, утилизацией бытовых отходов.

– Ну-ну... – Елена Бутакова покивала головой не без желчной иронии. – ожидаемо увидеть экономиста, занимающегося такими расчётами, но не ревизора.

– Скажите прямо, ваше появление здесь как-то связано с гибелью Регины Баженовой? – неожиданно вмешалась Ткачук, сидевшая рядом с Бутаковой и всё это время весьма неприязненно меня рассматривавшая.

Я оценил по достоинству прямоту заданного вопроса. Похоже, местные дамы задумали устроить мне тут небольшую обструкцию. А может быть, и большую – это как карта ляжет.

– Нет, конечно! – мне оставалось только соврать, глядя в глаза Ткачук; я вообще всегда вру, глядя прямо в глаза. – Не понимаю, чем вызван ваш вопрос. Несчастный случай с Региной, насколько я знаю, никаких вопросов у руководства «Роскосмоса» не вызвал. Тело Баженовой благополучно доставлено на Землю, передано родным и насколько мне известно, уже предано земле.

– В системе Сатурна уже погибали российские космонавты, точнее, один космонавт. – продолжала весьма напористо Ирина. – И тогда почему-то никто в «Роскосмосе» не озаботился направлением сюда ревизора. А вы примчались к нам на базу на самом скоростном грузовике, построенном в России. Немного расточительно гонять такой корабль ради доставки одного человека, пусть и целого ревизора. Мы все понимаем – вы хороший человек и компетентный специалист, но ваш перелёт обошёлся, думаю, в пару миллиардов рублей. Это немного борзо даже для такой богатой организации, каковой является «Роскосмос»!

– Если вы о трагической гибели Васильчикова, то она была квалифицирована как ошибка пилотирования. По результатам расследования были приняты меры организационного характера, думаю, вам они прекрасно известны. – я отвечал как можно спокойнее, хотя поведение настырных дамочек вызвали вполне понятное раздражение, – Не было ни малейших причин для вовлечения в это дело Службы ревизионного контроля. В случае с Баженовой всё ещё более прозрачно: имел место выход из строя оборудования, образцы поврежденной техники доставлены на Землю и подвергнуты экспертизе. Проблема квалифицирована как чисто техническая, насколько мне известно, никаких вопросов в этой части не возникло. Служба, направившая меня на борт «Академика Королёва», никоим образом не вовлечена в проводимое дознание. Вернее, в проводившееся... поскольку дознание, как я слышал, уже закрыто.

– Наших дам насторожило обычное совпадение: произошёл трагический несчастный случай и в скором времени Земля присылает ревизора. – подал голос молчавший до этого Баштин. – Я лично вообще не вижу в вашем появлении никаких проблем. Не понимаю, что за переполох вы тут устроили?

Последнее относилось к Бутаковой и Ткачук, в сторону которых говоривший иронично скосил глаза.

– Голос нашего Александра-Сергеевича-Но-Не-Пушкина как всегда звучит примирительно. Но это ему не поможет... – саркастически заметила Бутакова. Я не сразу сообразил, о ком она ведёт речь, лишь через пару мгновений понял, что Баштин полный тёзка Пушкина и очевидно, «Александр-Сергеевич-Но-Не-Пушкин» – это именно он.

– Не ерпенься, Леночка. – флегматично отреагировал Баштин. – Я всего лишь формирую твой позитивный образ в восприятии господина ревизора, и тем спасаю тебя от ревизии, которая не сулит тебе ничего хорошего.

Тут уже не выдержал Вадим Королёв. Командир звучно прихлопнул ладонью стол и рявкнул:

– Так, мальчики и девочки, остановились на полуслове! Я всё понимаю: мы уже несколько лет варимся в нашем узком мирке, мы все любим друг друга и дорожим своей репутацией,

но господину ревизору все эти подспудные пустяки неизвестны, а потому он может превратно истолковать всю эту вашу милую демагогию.

В помещении моментально воцарилась тишина и я решил, что появился отличный шанс быстро закончить это шоу. Влезать в дискуссии с малознакомыми людьми мне совершенно не хотелось, да и время уже поджимало – до назначенной встречи с Акчуриной оставались восемь минут. Самое время выдвигаться.

– Я бы хотел дополнить сказанное ранее... буквально пару слов, – я откашлялся для придания многозначительности. – Имею намерение посетить все четыре экспедиции, занимающиеся добычей полезных ископаемых, и непосредственно понаблюдать за процессом добычи. Не сомневаюсь, у нас будет возможность обменяться мыслями по всему спектру интересующих вопросов со всеми желающими, так что позвольте мне...

– Ваша честь, позвольте вопрос личного... так сказать... плана. – неожиданное перебил меня Баштин. Это, конечно, была явная наглость с его стороны. – Благо про миссию «Юрия Долгорукого» вы же сами и упомянули...

– Признаться, я тоже хотела бы задать вопрос личного характера господину ревизору. – перебивая говорившего, подала голос Лариса Янышева, до того не проронившая ни слова.

Что-то мне подсказывало, что застряв тут я могу надолго, стоит только начать варить кисель в этой говорливой компании.

– Господа, мне было чрезвычайно познавательно и приятно видеть вас на этой встрече, но поскольку я предполагаю повстречаться с каждым из вас лично – и притом не раз! – вопросы лучше оставить на потом. Позвольте откланяться.

Я кивнул командиру и поднялся из кресла. Уйти без комментариев, однако, мне не удалось, за спиной послышался голос Янышевой:

– Вопрос мой касался темы, волнующей всех дам нашего маленького сообщества: как насчёт опасного секса, господин ревизор?

Это был удар ниже пояса, вернее, попытка удара. Моя работа требует умения сносить разного рода провокации и личные выпады, поэтому до известной степени я был готов к очевидной бестактности лучшего пилота базы. Тем не менее, она меня всё-таки вывела из равновесия.

– Отличная шутка, Лариса. – бросил я через плечо. – Заучу наизусть!

Уже в проёме откатившейся двери я услышал раздражённый голос командира:

– У Ларисы, как всегда, для разговора единственная тема! Что за кривлянье вы тут устроили?! Увидели нового мужчину и пустились в...

Дверь за мной закрылась, оставляя Вадима Королёва наедине с членами любимого экипажа, а потому я так и не узнал во что именно они пустились по мнению командира. Я почти бегом помчался в медицинский отсек «красного» коридора. Если быть совсем точным, помчался я к лифтам, ведущим в Главный Коридор. Мне предстояло подняться туда, в зону невесомости, там перевернуться ногами вперёд и другим лифтом спуститься в «красный» коридор.

Путь свой я проделал даже быстрее, чем ожидал. Виной тому оказались лифты – они летали как в хорошем небоскрёбе. Поднявшись в Главный Коридор, в зону невесомости, а затем буквально упав обратно в область искусственной гравитации, я почувствовал дурноту. Для обитателей станции такие скоростные кульбиты являлись нормой, а у меня с непривычки закружилась голова. Не сказать, чтобы качнуло сильно, со стороны, наверное, это вообще не было заметно, но неприятное головокружение на десяток секунд побудило меня снизить темп ходьбы.

Выйдя из лифта и направившись в сторону медицинского отсека, указанную специальным знаком с подсветкой, я не сразу понял, что в коридоре выключен свет. Это было необычно – на космических кораблях такого класса нет нужды экономить электроэнергию

и ресурс осветительных приборов, а потому свет в местах общего пользования гаснуть не должен. Правда, выключение основного освещения не погрузило коридор в абсолютную темноту: во-первых, синим светом горела индивидуальная подсветка дверей и переговорных устройств возле них, а во-вторых, с интервалом в десять метров горели оранжевые огоньки, обозначающие места размещения универсальных спасательных комплектов. Десятками и даже сотнями таких комплектов оснащались все корабли «Роскосмоса», дабы любой член экипажа в случае нештатной ситуации мог извлечь из ниши автономную дыхательную маску, принять меры по самоспасению, а после их неудачи иметь возможность сообщить Главному командному центру о своей героической гибели.

До медицинского отсека мне пришлось пройти от лифтовой площадки метров пятьдесят-шестьдесят. Отыскав нужную дверь, я на секунду остановился. Если быть совсем точным, меня остановило какое-то очень нехорошее предчувствие... абсолютно немотивированное и необъяснимое, но явственное и пугающее. Не сумев преодолеть себя, я отступил от двери и прошёл несколько шагов до ближайшей ниши с универсальным спасательным комплектом, ткнул пальцем в переговорное устройство, укрепленное рядом, и представился:

– Это Порфирий Акзатнов...

С экрана на меня смотрело улыбочное лицо дежурного, сидевшего в Главном командном центре, и явно отвлеченного от какого-то интересного разговора. За его спиной маячила неясная пара фигур, что само по себе было довольно странно: ГКЦ – это такое место, куда посторонним вход воспрещён категорически.

– Простите, не понял... – дежурный стёр улыбку с лица и стал серьёзен, а две фигуры на заднем плане исчезли из поля зрения.

– Я ревизор «Роскосмоса», прибыл часом ранее на «Скороходе-десять». – я старался быть максимально спокоен. – В «красном» коридоре не горит общее освещение. Это нормально?

– Да-да, бывает такое дело. На станции более шести тысяч датчиков, камер наблюдения и счётчиков допуска в помещения, раз в сутки производится архивация данных и наш любимый супермозг иногда вот так глючит... веерно отключает то освещение, то... шлейфы датчиков... Это занимает две-три минуты... ну, пять от силы... ничего страшного, всё восстановится через... ну-у-у, минуточку-две.

Мне очень не понравился как сам диспетчер, так и его ответ, однако для разбирательств было не то время и не то место.

– Благодарю за то, что нашли для меня время, – я ткнул переговорное устройство и отключился.

С каменным сердцем вернулся обратно к двери в медицинский отсек. Дурное предчувствие не уходило, наоборот, росло и вызывало уже почти физическую боль. Состояние было очень странным и я не находил ему объяснения. Впрочем, не имело смысла тянуть кота за хвост: коли я сюда явился, надо было заходить.

Я коснулся экрана переговорного устройства у двери и проговорил:

– Это Порфирий. Я пришёл на две минуты раньше, так что могу подождать...

Это была такая шутка, дурацкая, конечно, из той поры моей жизни, когда я вовсе не хотел ждать и ещё не был ревизором.

Секунду-две-три ничего не происходило, пауза странно затягивалась... чтобы открыть дверь не нужно вставать и куда-то идти, достаточно отдать приказ голосом... что за задержка? Затем мягко заурчали сервоприводы и дверь откатилась вправо. В медицинском отсеке стояла полнейшая темнота – хоть глаз коли. Если в коридоре ещё горели какие-то огоньки подсветки, то за порогом была тьма кромешная. Просто какая-то пещера! Или берлога...

– Людмила... – пробормотал я, рассчитывая на какую-то ответную реакцию Акчуриной. В конце-концов, ведь ждала же она меня здесь и открыла дверь!

Но нет... я смотрел в темноту, а темнота смотрела на меня. И ничего не происходило. Секунда... другая... я понял, что надо на что-то решаться и, опустив левую руку на рукоять пистолета в кармане на бедре, шагнул в проём двери. Чтобы замаскировать извлечение пистолета из скрытого ложементов в левом кармане, я поднял правую руку к голове, будто бы поправляя волосы.

Это-то меня и спасло. Стоило мне войти в угольную черноту медицинского отсека, как чудовищный беззвучный удар обрушился на голову сверху, да такой, что ноги подкосились и в глазах на секунду запрыгали разноцветные звёзды.

Глава 2. Красивая бритая голова

Резкая боль пронзила одновременно правое предплечье и правую сторону головы, словно меня ударили чем-то длинным, твёрдым и острым. Я рефлекторно вскрикнул, подсел и подался влево от двери, точнее даже, прыгнул, сделал это совершенно наобум, с таким же успехом можно было прыгнуть в любую другую сторону. И точно также наобум выстрелил перед собой из пистолета. Яркая вспышка электрического разряда на долю секунды осветила просторное помещение и отразилась в стеклянных створках шкафов у противоположной стены. За это краткое мгновение я успел увидеть процедурный стол в горизонтальном положении, пару релаксационных кресел и закрытый прозрачным чехлом стенд комплексной диагностики. Но самое главное, я увидел две явно мужские фигуры в комбинезонах и дыхательных масках. Это было стандартное облачение космонавтов при эвакуации. Одна фигура – поодаль от меня – выглядела странно согнувшейся явно под весом большого мешка за спиной, а вторая, та, что была ближе ко мне, держала в руках нечто, похожее на пикку.

Именно этой пикой меня и огрели по голове.

Дальнейшие события заняли куда меньше времени, чем даже самый лаконичный их пересказ. «Пистолете-е-е-т!» – взревел из-под маски незнакомый мне голос, искажённый к тому же прижатым ко рту дыхательным устройством. Я без раздумий выстрелил вторично, не столько даже с целью поразить нападавшего, сколько с намерением рассмотреть его. В этой новой вспышке я увидел, как в меня летит то, что я принял первоначально за копьё. На самом деле это был обычный медицинский раздвижной кронштейн для подвески оборудования. Он ударил меня в грудь и отлетел в сторону, не причинив особого вреда, а я в наступившей темноте переместился ещё на пару шагов подальше от входной двери. Секунду-две, оставаясь в полной тьме, я прислушивался к окружающим меня звукам: глухим стукам ног о пластиковое покрытие и исчезающему где-то прерывистому дыханию. Никто ко мне не приближался – я был в этом уверен – и не пытался повторить нападение. Памятуя о том, где находились увиденные мною фигуры, я выстрелил, наконец, в третий раз и в свете третьей вспышки увидел спину явно удалявшегося человека – тот уходил прочь в дверь, расположенную за стендом комплексной диагностики. Это была отнюдь не входная дверь в отсек, а значит, напавший на меня не мог выйти в коридор.

Воспользовавшись моментом, я рванул в коридор сам. Преодолев пространство отсека тремя-четырьмя шагами, ударившись мимоходом плечом о стенку, я через пару секунд выбрался из отсека и закрыл за собой дверь.

Кто бы ни напал на меня, он оказался в ловушке. Точнее, они, их ведь было двое! Имевшееся в коридоре призрачное освещение позволяло мне следить за дверью и пристрелить любого, решившегося проскользнуть мимо. В моем пистолете оставались ещё двадцать семь пуль и я был готов устроить настоящую битву. Да что там битву! – я был готов в одиночку штурмовать Верден!

Прикоснувшись рукой к голове, я понял, что кровяца из меня хлещет, как из быка. Мужчина может потерять сознание при быстрой одновременной потере уже трёхсот граммов крови, а поскольку в жилых зонах «Академика Королева» сила тяжести больше земной на десять процентов, то значит и кровь я буду терять интенсивнее, чем в земных условиях. Надо было перво-наперво остановить кровотечение, а то я рисковал банально свалиться в обморок через минуту-другую. Выпростав из кармана пакет с гигиенической салфеткой, я разорвал его зубами и приложил мягкую фибру примерно к тому месту на голове, куда пришёлся удар. Прижав салфетку рукой, чтобы не слетела, я аккуратно, не сводя глаз с двери в медицинский отсек, подался к нише с универсальным спасательным комплектом и ткнул пальцем в переговорное устройство.

Сделал я это примерно также, как и тридцать-сорок секунд назад. Только тогда я был спокойный, вежливый и без гигиенической салфетки на голове.

– Дежурный по операционной базе... – скороговоркой молвил знакомый мне весёлый голос.

– Что «дежурный»?! – рыкнул я, подавив гнев. – «Дежурный» спит... пьянствует... слушает... ковыряет в зубах и ушах... или ещё где... что он делает?!

– Простите... – весёлый голос дежурного осёкся. – что за тон... Кто говорит?

– Говорит ревизор «Роскосмоса» Акзатнов, пора уже по голосу узнавать и подпрыгивать в кресле! На меня совершенно нападение в медицинском отсеке в «красном» коридоре! Я ранен... твоюжматьдежурный! Командира сюда быстро, желательнее трезвым, в штанах и с пистолетом наперевес. Впрочем, наплевать, можно пьяным и без штанов, но обязательно с пистолетом! И всех членов вашего недобитого экипажа, свободных от несения вахты сюда же, в «красный» коридор! И ещё...

– Да, ваша честь, да! – голос дежурного осёкся и он неожиданно запищал фальцетом. – Слушаю вас!

– Обеспечьте свет в коридоре через тридцать секунд! Хватит уже партизанских действий в темноте, а то устроили ролевою игру в Дениса Давыдова и Ковпака в общем сапоге на орбите Сатурна...

– Ну, что ж, зрачки одинаковые – это уже хороший признак! – прохладные пальца отпустили веки и мой взгляд опять сосредоточился на высокой груди мадам докторицы. – Сейчас наш командир осмотрит отсек и у нас появится возможность просканировать череп.

В коридоре уже собрались человек двадцать пять – тридцать, я слышал за спиной пыхтение и весьма несдержанные комментарии. Ажиотаж среди экипажа был необыкновенный. Вадим Королёв сторожил выход из медицинского отсека с видом человека, готового заткнуть грудью, головой или задом самую широкую амбразуру «линии Маннергейма». Или Мажино, не знаю, велика ли разница! По-моему, он испугался моего ранения больше, чем я сам. И почему-то я верил, что он не играет, а действительно напуган.

По моей голове двигались латексные пальцы, я чувствовал, как натягивается кожа, мне казалось, я даже чувствовал, как течёт по волосам кровь, хотя это, разумеется, было решительно невозможно. Но я должен был признать, что все эти неприятные манипуляции у склонившейся надо мной женщины получались на диво безболезненно.

– Может быть, не надо меня лечить и я проживу дольше? – я попытался пошутить в меру присущего мне ума и остроумия. – Может быть, доктор, вам следует просто отпустить меня, как есть? Так сказать, чтоб не мучился...

– Вообще-то, вас ударили по голове. – серьёзно заметила Илона Нефёдова, не почувствовав моей иронии. – И кстати, попали. Вы органично влились в наш дружный коллектив, таких драк у нас ещё не было.

– Да, я уже в курсе, доктор. Мне доложили, что попали как раз в башню. – я снова пошутил и снова, по-видимому, остался непонят. – У меня только один вопрос до анестезии...

– Валайте! – разрешила Илона. – Мужчины перед анестезией задают обычно самые важные вопросы. Наверное, что-то связанное с мочеполовой системой.

– М-м... даже не знаю. Я лишь хотел узнать, смогу ли после ваших манипуляций любить женщин?

Это была шутка как раз для таких минут – когда всё плохо и ты чувствуешь себя полным болваном.

– Заверяю вас, ваша честь, что вы сможете любить женщин, мужчин и даже самого себя во всех приемлемых вам формах. – без тени улыбки ответила мадам доктор. – Анестезия и моё мастерство послужат тому порукой!

Я понял, что с юмором у докторицы все в порядке, дама ломает комедию и всю мне подыгрывает. Можно сказать, шутит в моём стиле – с серьёзным лицом и совсем не смешно.

Начали загораться осветительные плафоны и это как будто придавало решимости командиру базы. Я услышал за спиной его рокочущий баритон:

– Четырнадцатый, пятнадцатый... заходим вместе со мною в медицинский отсек и вынимаем всех, кто там прячется. Выводим всех сюда и...

– Мужчины, я с вами, – подал я голос и даже помахал рукой, обозначая готовность резко подняться и отправиться на штурм, но Королев резко меня прервал:

– Ревизора оставляем здесь, чтобы он остался жив. Иначе нам просто не дадут посадочную глиссаду и испепелят на орбите при подлёте к Земле... А потом скажут, что так и было!

За моей спиной послышался звук электрического привода двери и я попытался подняться, чтобы последовать за Королёвым, но доктор Илона удержала меня на месте, властно и весьма жёстко придавив плечо рукой:

– Оставайтесь здесь, господин ревизор! Продолжайте рассматривать перламутровую пуговицу на моём кармане...

Декоративный карман находился у доктора Илоны на груди, а грудь имела размер тридцатый или даже чуть поболее, так что шутка про пуговицу оказалась удачной. Похоже, мадам докторица умела находить нужные нотки в разговорах с мужчинами.

Ещё секунд десять-пятнадцать её пальцы бродили по моей голове, потом спустились ниже, к уху, потом ещё ниже – на шею и плечо.

– Куртку расстегните, – попросила Илона.

– Да с плечом всё нормально, там едва скользнуло... – попытался было отговориться я, но докторица повысила голос:

– Куртку расстегните, господин ревизор! И покажите-ка мне своё красивое правое плечо! Вы себя в зеркале не видите, вы весь в крови до пояса, прям настоящий Пегас после битвы с Горгоной, или кто там с Горгоной бился?!... так что не мешайте мне делать мою работу! А то я вас сейчас усыплю на сутки и «Окей» будет на моей стороне.

«Окей» – это разговорное сокращение от словосочетания «Операционный Кодекс». Так назывался сборник инструкций и наставлений по действиям в чрезвычайных ситуациях, имевший по умолчанию силу закона, хотя формально таковым не являлся.

Я подчинился требованию Илоны и обнажил плечо:

– Как вы меня назвали: Пегас? Звучит донельзя оскорбительно. Пегас, по-моему, был конём. Или ослом – не помню точно.

– Да ладно вам, ваша честь, ослом был Панург, но в другой книжке... Не называть же мне вас Иваном Поддубным или Фёдором Емельяненко! – Илона внимательно меня осмотрела, провела пальцами в перчатке по правой ключице, но ничего для себя интересного, по-видимому, не увидела, а потому отстранилась и дала очередную команду: «можете облачаться!»

– Голова у меня не мягкая? – на всякий случай осведомился я.

– Нет, камушек монолитный. В принципе, только кожу рассекли, она на черепе тонкая и очень кровоточивая. Сейчас зайдём в отсек, я вас обрею и обработаю рану как надо. В принципе, жить будете долго, счастливо и, судя по тому, как вы быстро наживаете врагов, весело.

Хотелось мне парировать чем-то умным и весёлым, я даже рот было открыл, но тут из медицинского отсека шагнул в коридор Вадим Королёв и с мрачным лицом позвал меня:

– Ваша честь, прошу пройти со мною!

Мне очень не понравилась интонация, с какой командир обратился ко мне, а также выражение его лица. Даже не зная, что именно ждёт меня внутри медицинского отсека, я уже понял, что там окажется какая-то лажа.

Мы вошли внутрь. Теперь здесь горело полное освещение и на фоне снежно-белого пластика чёрными пятнами лезли в глаза брызги крови на полу и стенах налево от двери в переборке.

– Это моя кровь. – пояснил я, аккуратно переступив через тот самый раздвижной кронштейн, которым мне десять минут назад едва не раскроили череп. Кронштейн лежал на полу и на его ножках отчётливо были заметны кровавые пятна. Именно этой ножкой, стало быть, мне и угодили в голову.

А вот чуть далее, у двери в соседний отсек я увидел другие пятна, в точности напоминавшие мои. Но не мои, поскольку там я не стоял.

– Вот эта кровь уже не моя! Стало быть, я попал в одного из нападавших. Надо искать раненого. – я указал командиру на эти брызги.

– Это хорошо! – кивнул Королёв. – Если кто-то ранен, мы его найдём... Но я звал вас поглядеть на другое...

Мы прошли через отсек диагностики и оказались в следующем, который являлся процедурным. Это уже была настоящая больница – с двумя полноценными операционными местами неотложной хирургии. Тут уже можно было пришивать конечности и проводить самые фантастические операции на мозге. У каждого операционного места размещались голографические проекционные планшеты высокого разрешения и герметичные шкафы со стерилизованным хирургическим инструментом – настоящий музей! Командир повёл меня дальше и мы прошли в третий от входа отсек – это был склад и аптека, больше, правда, похожий на банковское хранилище с бесчисленными запертыми ячейками. Ячейки располагались не только вдоль стен, но и рядами на трёх стеллажах до потолка. Королёв завёл меня за самый дальний ряд и мрачно проговорил:

– Гляньте-ка вот сюда!

В полу я увидел широкий квадратный открытый люк. Мне потребовались, должно быть, секунда или две на то, чтобы осознать, что же именно я вижу перед собой.

– Ах ты ж... – я сделал усилие, чтобы не выругаться. – Они ушли в межбортное пространство!

– Да, они покинули медицинский отсек через пространство между прочным и полужёстким корпусами...

Станция «Академик Королёв» ввиду того, что находилась в зоне повышенной метеорной и радиационной опасности, была построена по уникальной технологии: металлический корпус был помещён в армированный сеткой вспененный бетон, образовавший так называемый наружный полужёсткий корпус. В отличие от классического прочного корпуса, воспринимающего одинаково хорошо как нагрузки на растяжение, так и на сжатие, полужёсткий предназначался преимущественно для демпфирования воздействий на станцию извне. Это было важно для защиты операционной базы от микрометеоритов. А вот воздействия направленные изнутри наружу вспененный бетон держал плохо, но в этом и не было особой нужды, поскольку в случае мощного внутреннего взрыва целостность корпуса уже не играла существенного значения для выживания экипажа.

Я лёг на живот и свесил голову в люк. Межбортное пространство было тёмным, лишь падающий через люк свет выхватывал из темноты фрагменты элементов силового набора. Прямо передо мной на расстоянии вытянутой руки находился гладкий бетонный монолит. Королёв, похоже, уловил направление моих мыслей и проговорил:

– Межбортное расстояние в этой части составляет девяносто сантиметров, вполне достаточно для движения ползком или на четвереньках.

– Да уж... там бегать можно! – я сел на пол, пытаясь выстроить в голове цепочку последующих действий. Мысли хаотично скакали и голова просто не успевала думать обо всём сразу. – Контроль состояния наружного корпуса как у вас производится?

– Ремонтно-монтажными роботами. Их у нас целый зоопарк ещё со времени сборки базы.
– Запустите парочку, пусть обшарят межбортное пространство на длине, скажем, сто метров от начала коридора в корму. А ещё лучше – сто пятьдесят метров.

– Да, конечно, – кивнул командир.

– Далее... Открывание люков должно фиксироваться аварийным протоколом. Поэтому если беглецы открыли люк здесь и, пройдя по межбортному пространству, вылезли через другой люк, протокол должен зафиксировать все срабатывания этих замков. Хотелось бы глянуть в аварийный протокол.

– Я понял, сейчас свяжусь с диспетчерской группой и затребую отчёт о срабатываниях счётчиков открытия межбортных люков за последние полчаса.

– Да, правильно, – мне оставалось только согласиться. – С вашими диспетчерами надо будет отдельно разбираться, у меня к ним имеются кое-какие вопросы, но этим мы займёмся позже. В конце-концов, никуда они с базы не денутся. Сейчас, Вадим, давай-ка сделаем вот что...

Я примолк на секундочку, подбирая формулировки тому, что хотел сказать, а Вадим Королёв поедал меня буквально глазами. Как преданный домашний пёс. Мне на мгновение даже стало за него неловко – командир базы выглядел настоящим болваном.

– Вот что мы сейчас сделаем, командир: всех мужчин, находящихся на борту операционной базы, надлежит собрать в коридоре... всех – это значит вообще всех... может отсутствовать только находящийся на дежурстве диспетчер – это ясно? Никакие отговорки, вроде золотухи, поноса, молитвы, запоя или операции по смене пола не принимаются. Так вот, все мужчины должны стоять в коридоре через пятнадцать минут. Мы с тобой проведём досмотр. На меня напали двое, одного я подстрелил, так что... Будем искать раненого.

Осмотр мужской половины команды, впрочем, несколько подзадержался. И не по моей вине – доктор Илона потратила четверть часа на обработку раны: просветила и без того светлую мою голову томографом, убедилась, что внутрочерепного кровоизлияния нет, после чего живо обрила волосы на моей бедной головушке, стянула скрепками края раны и залила её биогелем. Когда я глянул на себя в зеркало, то тихо ужаснулся, видок был как из фильма ужасов: лысый малосимпатичный мужчина с неприветливым взглядом и небритыми впалыми щеками, огромный V-образный разрыв кожи от темени к уху, залитый толстым слоем похожего на воск лекарства, чёрные круги под глазами, бешеный взгляд... Что тут сказать? Красава!

– Может, надо было просто поплевать? – на всякий случай попытался я отшутиться, аккуратно размазав по лысой голове капельку ещё не застывшего геля.

– На самом деле надо было поступить более радикально – ампутировать голову, – парировала Илона и строго добавила. – Не надо трогать грязными пальцами реконструктивный гель, он работает как рнк-дубликатор и на голове могут остаться пигментные пятна. Потом будете сетовать на антисанитарные условия обработки раны!

Похоже, доктор шутила, но получалось это у неё неплохо. Илона мне всё более и более нравилась. И перламутровая пуговичка на её груди – тоже.

– Да уж, ради такого стоило лететь к Сатурну! – пробормотал я, косясь на пуговичку.

– Поездка действительно началась интересно. – согласилась докторица, явно не поняв скрытого подтекста. – И даже неординарно, не побоюсь этого слова.

– Мне нравится, Илона, что вы так задорно шутите, но у меня будет для вас срочное поручение. Нешуточное и безотлагательное, не побоюсь этого слова. – я позволил себе не без ехидства скопировать интонацию собеседницы.

– Нешуточное и безотлагательное – это два слова! Но я готова поработать над вашим нешуточным и безотлагательным поручением.

Сидя на процедурном столе, я указал пальцем на кровавые брызги на стене.

– Я ранил одного из напавших на меня джентльменов и вон там на стене его кровь. Мне надо, чтобы вы быстренько персонифицировали её обладателя по ДНК-маркерам. У вас же есть образцы ДНК каждого из членов экипажа?

– Конечно, есть. – Илона подошла к тому месту, где на переборке остались следы крови, присела и внимательно их рассмотрела. – Тут даже фрагменты мягких тканей остались. Вы большую дыру в нём проделали! Из «фаустпатрона», что ли, стреляли?

– Нет, у меня зенитка.

– Хорошая зенитка! Какой калибр? Судя по отверстию в переборке, миллиметров двадцать... Я не ошиблась? Пуля прошла навывлет – это ж какая дульная энергия? Вы должны были его покалечить! Ногу отстрелить... или пенис... в зависимости от того, присел ли ваш обидчик или стоял на прямых ногах.

Поскольку я промолчал, Илона покосилась на меня, поднялась и подошла к столу с инструментарием.

– Впрочем, отстреленный пенис ваш обидчик должен был унести в штанах. – продолжила она свою мысль, вскрывая стерильный набор для забора биологических образцов.

– Я ценю профессиональный юмор космонавтов и врачей, но углубляться в дебри присущей им профессиональной деформации мы сейчас не станем. Мне нужна идентификация лица, которому принадлежит эта кровь. – я на корню пресёк все возможные размышлизмы на тему отстреленного пениса.

– Будет вам идентификация, дайте мне только пятнадцать минут. – пообещала Илона, – И заправьте в ухо наушник, чтобы я могла связаться с вами напрямую.

– Наушник не нужен, вы же видите – у меня коммуникативный чип в голове. – я прикоснулся к аккуратному наросту с правой стороны головы, скрытому до этого волосами, а теперь хорошо заметному. – Мой код «Порфирий – пятьсот один». Можно вызывать голосом, канал защищенный в том числе и от местного техперсонала. Так что вызывайте в любое время даже с другой планеты и не сомневайтесь, я вас услышу.

Илона сняла одноразовые перчатки, бросила их в зев утилизатора, тут же надела новую пару и только после этого нацепила на лицо маску.

– Через четверть часа будет вам ДНК-идентификация. – услышал я её приглушённый маской голос. – Вы только далеко не уходите!

Она присела у кровавых пятен со своими стерильными инструментами в руках, но более за ней я уже не следил. Встав со стола, вышел из медицинского отсека и, выйдя из двери, буквально наступил на пятки Королеву.

– Ваша честь, все мужчины из числа обслуживающего и прикреплённого персонала операционной базы построены для проведения... э-э... осмотра согласно вашему поручению. – бодро затараторил Вадим, почти не допуская пауз. – Два человека из списочного состава в настоящее время несут дежурство в Главном командном центре и не могут оставить своё место согласно требованиям действующего регламента. Из сорока семи человек, находящихся на борту, двадцать девять мужчин – здесь... Вы – тридцатый!

Метрах в пяти от нас в коридоре тянулась шеренга мужчин.

– Отлично, командир, ваш пистолет вы носите с собою? – я подчёркнуто обратился к Вадиму Королёву на «вы», давая понять, что далее мы будем действовать официально и без всяких поправок на личные отношения; после энергичного кивка Королёва продолжил. – Будьте готовы его применить, ибо возможны самые неожиданные повороты. Давайте осмотрим ноги присутствующих ниже колен. Командуйте, в конце-концов, я ведь не могу заменить вас!

– Да, конечно... – Королёв прошёл вдоль строя.

Сейчас, когда мужская часть экипажа оказалась собрана в одном месте, хорошо было заметно, что командир старше подавляющего числа подчинённых. Лет, эдак, на двенадцать-пятнадцать. То же самое можно было сказать и про меня, поскольку мы с Вадимом

являлись одногодками. Нашему возрасту примерно соответствовали лишь офицеры, которых я видел прежде в ситуационном зале – Олег Капленко, Александр Баштин, Виталий Лось. Они, как старшие по званию, располагались по левому флангу шеренги. Бросалось в глаза, как разношерстно одет личный состав – одна часть в технологических комбинезонах, другая – в выходных костюмах, кто-то в футболках и каких-то пегих штанах непонятного происхождения, а двое молодых мужчин в противоположном конце шеренги вообще оказались в спортивных кимоно. Видимо, их выдернули на построение прямо из спортзала. Обувь была под стать одежде – ботинки с подмагниченными подошвами, спортивные тапочки-«балетки», какая-то разнофасонная беговая обувь. Ну ладно, хорошо хоть босиком никто не примчался.

– Некоторое время назад, – бодрым голосом заговорил командир, обращаясь к строю. – на прибывшего на борт нашей базы ревизора «Роскосмоса» было совершено нападение. Нападавший был ранен в ногу. До того, как будет проведен осмотр, я предлагаю этому человеку заявить о себе и сознаться в содеянном...

Королёв высказался немного косноязычно, но в целом очень даже доходчиво. Да и интонация у него была вполне подходящей. Я отметил то, что он весьма разумно ничего не сказал о характере ранения и той маленькой детали, что на самом деле нападавших было двое. Лишние детали здесь и сейчас были действительно неуместны.

– Даю десять секунд на то, чтобы виновник имевшего места эксцесса заявил о себе и вышел из строя, – командир прошёл вдоль шеренги, придерживаясь левой рукой за пряжку ремня, а правую словно бы непроизвольно опустил на клапан кармана на правом бедре. Только движение это не было случайным – в длинном узком, так называемом «инструментальном», кармане Королёва, обычно пустующем у всех космонавтов, находился пистолет.

Ну а мой пистолет лежал в кармане на левом бедре. Я как переученный левша пользовался одинаково хорошо обеими руками. А потому пистолет с ложементом-толкателем всегда носил в левом.

Все молчали: командир, люди в строю, молчал и я. В полной тишине прошли секунд десять или около того. Мне показалось, что напряженность электростатического поля возросла, эдак, вольт на пятьдесят. Удивительно даже, как это у присутствующих волосы на голове не встали дыбом.

– Снять обувь! – приказал Королёв.

Напряженность подскочила ещё вольт на пятьдесят. Народ засопел, запыхтел, захмыкал, но безмолвно разулся.

– Поднять штанины до колен! – последовала новая команда Королёва.

У меня отчего-то вдруг возникло ощущение, что нам не избежать восстания сродни тому, что приключилось во времена оны на броненосце «Потёмкин». Или на крейсере «Очаков». Что-то такое должно было произойти. В строю стояли не мальчишки, а космонавты, которых по праву причисляли к элите «Роскосмоса» и они имели все основания требовать к себе должного уважения даже со стороны командира.

Но все подчинились также молча, как и ранее. Я и командир прошли вдоль строя, рассматривая волосатые ноги от колен и ниже разной степени длины и кривизны. Никто никаких ран не имел. Я переглянулся с Королёвым.

Ситуация явно обострялась, поскольку теперь следовало осмотреть ноги выше колен. Командир это тоже понял.

– Достаточно! – скомандовал Королёв. – Штанины опустить... расстегнуть пояса... спустить штаны до щиколоток...

Строй выдохнул. Никто не шелохнулся. После секундной паузы послышался необычно звонкий голос Олега Капленко. Мне этот крупный человек с круглым добродушным лицом казался самым степенным из находившихся в шеренге, поэтому его мальчишеский голос до некоторой степени меня удивил.

– Я думаю, каждый из нас без особых церемоний может показать свои гениталии, но проблема, похоже, не в этом...

Он не закончил свою мысль, как его перебил рассудительный и многозначительный каждой своей интонацией Баштин:

– Позвольте мне упредить развитие скандала и полностью раздеться в инициативном порядке, так сказать... э-э.. дабы снять с себя подозрения и скорее покинуть этот... э-э... смотр почётного легиона.

– Молчать! – рявкнул Королёв. – Здесь нет женщин, да хоть бы и были... приказы командира обсуждению не подлежат! Прекратить демагогические рассуждения.

– Проблема не в демагогии, – возразил Баштин. – Причём тут демагогия? Ваши требования очевидно абсурдны!

– Что это значит?! – Королёв был явно обескуражен услышанным.

– Почему мы находимся в строю? – напористо развил свою мысль Баштин. – Я имею в виду, руководители экспедиций... Мы ведь все находились в Ситуационном зале, когда его покинул господин ревизор! Очевидно, что мы никак не можем участвовать в нападении на его честь, но вы почему-то поставили нас в общий строй и... я не понимаю, чего вы домогаетесь? То, что вы творите – это произвол. Самоуправство! Кроме очевидной абсурдности, ваши требования просто оскорбительны!

– Это ещё мягко сказано. – лаконично и очень, эдак, к месту поддакнул Капленко. – Мы все находились в Ситуационном зале – Афанасьев, Баштин, Завгородний, Лось, ну и я в их числе... И вы находились там вместе с нами! Мы все видели господина ревизора красивым и с волосатой головой. Теперь мы видим его по-прежнему красивым, но уже без волос. Значит, нападение произошло после того, как господин ревизор покинул Ситуационный зал. Отсюда вопрос...

– Вы не подчиняетесь приказу командира? – заревел Королёв, перебив говорившего без малейшей попытки быть вежливым. – Кто ещё не подчиняется приказу?! Я напоминаю, что согласно главе третьей Устава «Роскосмоса» командир экипажа по время выполнения полётного задания принимает на себя полномочия органов дознания и следствия и вправе накладывать ограничения на конституционные права и свободы подчинённых ему членов экипажа. А теперь я повторяю свой вопрос: кто-то отказывается выполнить приказ командира?!

Я почувствовал как в моей голове мягко тренькнул сигнал вызова и в поле зрения на противоположной стене коридора замигал красный курсор – это встроенный чип оповещал о поступившем сообщении. Быстрым движением глазного яблока я выбрал нужную опцию и увидел во всплывшей менюшке запрос на воспроизведение голосового сообщения от «доктора Илоны Нефёдовой, табельный номер по росписи штатного состава «одинадцатый». Я подтвердил включение и через долю секунды в моей голове замурлыкал знакомый голос докторицы, неслышимый никому из окружающих меня людей: «Господин ревизор, у меня важное сообщение! Не надо раздевать экипаж, зайдите сначала ко мне.»

Фраза звучала, конечно, двусмысленно, но на то Илона явно и рассчитывала. Дамочка, судя по всему, была та ещё проказница, но я не сомневался, что сейчас она беспокоит меня по весьма прозаичной причине – у неё явно был результат анализа ДНК из крови подстреленного мною человека.

Я похлопал Королёва по локтю, привлекая его внимание, и подмигнул, кивком указав на дверь медицинского отсека, где находилась Илона. Командир понял меня без слов и рявкнув, обращаясь к строю «не расходиться!», проследовал за мной.

Нечасто жизнь наносила мне такие удары. Можно даже сказать редко. Я рассматривал детальную голографическую картинку и думал о том, что такой вот поворота сюжета мне даже

в голову не приходил. А это значит, что голова моя думать стала не очень быстро и очень-то логично.

Рядом со мной стоял Вадим Королёв, тупо смотрел на ту же самую картинку и комментировал. Не потому, что что-то понимал, а просто от волнения:

– Похоже на лопнувшие презервативы. На свёрнутые лопнувшие презервативы.

Сравнение было удачным. Эритроциты в своём обычном состоянии действительно напоминают свёрнутые презервативы. Хотя в учебниках такую форму обычно называют обоюдо-вогнутой, видимо, из уважения к целомудрию учащихся. Только вот те эритроциты, что мы видели на голограмме, в отличие от здоровых человеческих, выглядели странно разлохмаченными и казались обвешены бахромой. Очень неприятный вид и совершенно ненормальный.

– Что это вообще такое? – спросил Королёв, не дождавшись реакции на свои слова.

– Это кровь человека, которого господин ревизор прострелил из своей зенитки. – пояснила доктор Илона. – Как мы можем видеть, эритроциты разрушены...

– Что это значит? – не понял Королёв.

– Это значит, что кровь была заморожена. – пояснил я. – Кристаллы льда разрушили клеточную структуру. Грубо говоря, проткнули все мембраны в процессе роста. Затем лёд растаял, а клетки остались разрушены.

– О-о, я вижу ваша честь кое-что понимает в судебной медицине, – Илона закивала одобритительно головой. – Да, кровь определенно была заморожена.

– Как такое может быть? – командир искренне изумился. – Что вы хотите сказать, у нас зомби ходит по операционной базе?! Ледяные человеки?

– Я этого не говорю, это вы говорите. – Илона пожала плечами. – Как вариант, могу предположить, что люди, напавшие на господина ревизора, принесли с собою емкость с замороженной кровью.

– Что за глупости? Зачем это? – не унимался командир. – Нет, постойте, надо провести анализ, вдруг клетки крови разрушены каким-то заболеванием... вирусным скажем.

– Вадим, помолчи пожалуйста! – попросил я; бормотание Королёва сбивало меня с мысли, а между тем, мне надо было сосредоточиться. Я чувствовал, что упускаю из вида что-то очень важное, но что именно, не мог сообразить.

Кто бы ни напал на меня, он нёс замороженное человеческое тело. Определенно, не живое. Замороженный труп. По-видимому, само нападение на меня было обусловлено тем, что я появился в момент этой самой переноски. Да, действительно, если так и было, то я подошёл некстати...

– Надо искать замороженный труп, – выдал я, наконец, фундаментальную идею. – Он недалеко... здесь нет крематория и шлюзовую камеру так просто не откроешь... а если и откроешь, то толку будет ноль, труп от операционной базы далеко не улетит и будет легко фиксироваться обзорной радиолокационной станцией.

– Порфирий, да ты что такое говоришь...? – командир не окончил очередную умную фразу, поскольку схватился за горошину наушника, закрепленную на козелке уха и повысил голос. – Не слышу, громче... да... где? один? что за мешок?

Ему явно что-то транслировали в ухо и он отошёл от нас на пару шагов, давая понять, что вызов очень серьёзный.

Доктор Илона посмотрела на меня, вздохнула – забавный значок на фальшклапане на её груди заметно пошевелился – и мягко поинтересовалась:

– Прошу прощения, а труп замороженный – он чей? Инопланетный?

– Хорошая шутка, – я сдержанно покивал. – Мне вообще нравится ваш юмор, Илона. Как-нибудь, уверен, мы даже пошутим наедине, в отсутствие глубокоуважаемого командира. Но труп, как мне сдаётся, наш, в смысле – землянский. Выражусь даже более определенно, я уверен в этом на сто процентов.

– Ага, интересный анекдот, хотя и несмешной. У нас на станции никто не погибал, вообще-то. А потому трупов замороженных быть не может. Это, так сказать, аксиома. Очевидное соображение, принимаемое без доказательств. Вы, вообще-то, знаете, сколько времени потребуется для заморозки невскрытого человеческого тела в типовых условиях орбитального морга?

– Вы, Илона, удивитесь, но я знаю. Для проморозки насквозь человеческого трупа требуется всего сорок часов. Но это время можно сократить посредством использования для орошения трупа хладагента.

– О-о, господин ревизор, я вас недооценила, – Илона, похоже, удивилась теперь по-настоящему. – Теперь вы менее всего похожи на бухгалтера...

– Я не бухгалтер, я – ревизор. – с присущей мне скромностью поправил я собеседницу.

Она явно имела намерение запустить в ответ какую-то колкость, но тут к нам вернулся Вадим Королёв. Взгляд у него был бешеный – это если очень мягко говорить. Он явно услышал нечто, выбившее его из колеи. Вадим даже не стал ничего объяснять, только качнул головой, приглашая меня следовать за ним.

Я так и сделал. Мы все – то есть Вадим, Илона и я – прошли в помещение аптеки, встали возле того самого люка, через который скрылись напавшие на меня люди. Только тут Вадим, склонившись к моему уху, проговорил:

– Ремонтный робот обнаружил в межбортном пространстве у отметки «пятьдесят пятый метр» санитарный мешок. Он не пустой, ты понимаешь? Он не пустой! Я дал команду поднять его сюда...

Мне оставалось только покивать и ответить:

– Шептать не надо, Вадим! Илона Нефёдова будет проводить официальное опознание содержимого мешка, так что тайн от неё быть не может. По крайней мере, в этом вопросе.

– Ты хочешь сказать, что... что там будет что-то, требующее...

Внизу послышался узнаваемое урчание электромоторов и лёгкое посвистывание сервоприводов. Вадим замолчал, открыл замок и откинул крышку люка – мы увидели у самых наших ног приземистое никелированное членистоногое, на боку которого красовалась белая надпись «Академик Королев. Ремонтно-монтажный – 07. Позиционно-ориентированный.» Я мог бы дать руку на отсечение, что надпись эта светилась в темноте, не знаю, правда, для чего. В поле нашего зрения находились три передних конечности, одна была свободной, а раздвоенные клешни двух других оказались продеты в петли на большом пластиковом мешке мрачного, хорошо узнаваемого серо-чёрного цвета. Это был так называемый «санитарный мешок Роскосмоса», в котором хранились и транспортировались трупы. Что поделать! – люди умирают в космосе, в том числе и космонавты России, а потому их тела надо хранить и транспортировать в универсальной оболочке с должным уважением и сопутствующей атрибуцией. А также соблюдением необходимых санитарно-гигиенических норм. Для этого и были созданы эти герметичные серо-чёрные пакеты, которые иные шутники сразу же окрестили «мягкой консервной банкой». «Мягкими» их назвали потому, что они были на самом деле мягкими, а «консервной банкой» – потому, что труп консервировался в таком пакете в среде инертного газа. Нормальная, кстати, шутка, космонавты могли бы назвать такой мешок «шпротой» или ещё как... с них станется – они ребята в своём подавляющем большинстве весёлые, хотя и циничные! Как и я сам.

Ремонтный робот взвизгнул моторами и протянул наверх клешни с зажатым в них мешком. Без лишних слов мы с Вадимом ухватились за петли на мешке и взяли их на себя, через секунду робот убрал свои манипуляторы и мешок повис на наших руках. С учётом увеличенной на десять процентов от земной массы и, считая, что вес между мной и Вадимом распределился равномерно, в мешке находилось нечто, весившее килограммов пятьдесят пять-шестьдесят. По земным весам, разумеется.

Мы оттащили мешок от люка и опустили его на пол. После этого командир закрыл люк, а я прошёл в соседний отсек к доктору Нефёдовой.

– Илоночка, будь ласка, бери транспортёр и заезжай к нам, в аптечку. У нас ценный груз образовался.

Через минуту мы погрузили мешок на магнитный транспортёр, заменявший носилки, и вернулись в процедурный отсек. Все трое стояли над серо-чёрным мешком и поглядывали друг на друга. Очевидно мне, как старшему по званию и разуму, предстояло отдать последнее распоряжение.

– Судя по индикации, – я постучал пальцем по небольшой светодиодной панельке на поверхности мешка, – внутри некогда была аргоновая атмосфера. Но теперь её нет, поскольку именно этот мешок я и прострелил из своего пистолета.

В нижней части мешка зияла чёрная дыра, как раз соответствовавшая калибру моей зенитки.

– Ну, а судя по весу, там человеческий труп. – продолжил мою мысль Вадим Королёв. – Скажи мне, что я ошибся!

– Вы не ошиблись. – отозвалась Илона. – Я даже уверена что труп в этом мешке до сих пор заморожен. Но у меня есть вопрос к господину ревизору...

– Валяйте, – разрешил я. – Обещаю ответить честно!

– Вы знаете, чей труп в мешке?

– Думаю, что да. Там находится тело Баженовой, погибшей в результате несчастного случая тридцать три дня назад на орбите Сатурна.

– Да что за... – Королёв запнулся. – Как такое может быть?! Тело Баженовой отправили на Землю ещё месяц назад! После вскрытия и отправили! Я сам видел, как Акчурина его перевозила на транспортёре к стыковочному узлу!

– Ну... спорить я не стану, тело вы, может быть, отправили, да только теперь оно находится в этом мешке. – я философски пожал плечами. – Давайте откроем мешок, посмотрим, не ошибся ли я.

Илона потянула на себя на себя «язычок» молнии и с усилием разорвала клееный шов под нею. Раздвинув половинки мешка, она отёрнула руки, предоставив нам возможность увидеть то, что находилось внутри. Мы увидели женское лицо с коротко стриженными ярко-рыжими волосами, подозреваю, что крашеными. На лбу, носу и щеках трупа блестели микроскопически капельки влаги, их было много, если не знать, что видишь лицо трупа, можно было подумать, что это пот.

– Да, это Баженова... – пробормотал задумчиво командир базы.

– Регина... – эхом отозвалась Илона Нефёдова. – Но почему здесь? Она же должна быть на Земле! Это бесовщина какая-то...

Мы все – Королёв, Нефёдова и я – некоторое время молча стояли над полураскрытым пластиковым мешком, отрешённо разглядывая представшую нашим взглядам картину. Наконец, я откашлялся, давая понять, что тарашиться не на что, да и незачем, и задал тот самый главный вопрос, что мучил меня на протяжении последнего получаса:

– А где, собственно, находится врач Акчурина?

Королёв ответил «не знаю» почти синхронно с Илоной. Получилось это даже забавно... хотя и совсем не смешно.

– Я тоже не знаю. – продолжил я свою мысль. – Хотя с Людмилой Акчуриной у меня в этом отсеке была назначена встреча. Собственно, при попытке войти в отсек я и стал жертвой неудачной трепанации черепа.

Мне пришлось постучать по ране на голове, чтобы быть правильно понятым.

– Поскольку с Людмилой я не встретился и среди членов экипажа, явившихся сюда по общекорабельному вызову, я её тоже не увидел, то у меня в связи с этим остаётся только один вопрос. К вам, Илона.

– Да, слушаю...

– Морг у вас где находится?

Илона думала долго, секунду-две-три... хлопал глазами Королёв, явно не находивший слов... наконец, Илона коротко и неопределенно мотнула головой куда-то через правое плечо.

Дверь в помещение морга находилась по правую руку от входной двери в медицинский отсек и была замаскирована изящной подвижной сеткой из серебристого пластика, собственно, именно поэтому она всё время как-то ускользала от моего внимания. Я интуитивно старался всё время располагаться так, чтобы входная дверь оставалась в поле моего зрения, соответственно, переход в помещение морга постоянно находился у меня за спиной. М-да, я был вынужден признаться самому себе, что это было как-то неосторожно и не совсем профессионально, впредь надо будет, конечно же, интенсивнее крутить головой по сторонам и считать двери.

Мы вошли в помещение и на секунду остановились. Передо мной был обычный космический морг, ничего такого особенного, о чём бы стоило упомянуть. Если вы видали такие помещения прежде, то считайте, что вы их видели все. Комната-шкаф, очень узкая – понятно почему, во-первых, потому, что половина объема «съедена» морозильными камерами, а во-вторых, потому, что в узком помещении проще кантовать труп, меньше напрягаться надо, особенно в условиях искусственной силы тяжести, превышающей земную на десять процентов. Прямо в центре морга – специфический, хорошо узнаваемый стол, который ни с чем невозможно перепутать, золотой, со стоком, наподобие ванны, только не настолько глубокий. На стене, противоположной входу – девять морозильных ячеек в три ряда по три в ряду. У дальней стены – транспортные носилки с магнитным подвесом точно такие же, как и в обычном процедурном кабинете. Но по давней традиции «Роскосмоса» для покойников всё предусматривается своё, в том числе и носилки.

Все мы некоторое время таращились в стерильную пустоту морга, пока я, наконец, не потянул Илону за рукав:

– Чего ждёте? Выигрыша в лотерее?

– Это не мой отсек, – выдавила Илона. – Это всё хозяйство Людмилы... Я тут... не хозяйка... в смысле.

Она осеклась. Я понял, что Илона теряет самообладание и явно находится на грани срыва. В общем-то, я её понимал, цинизм врачей обычно сильно преувеличивают, а уж космические врачи – это вообще врачи наполовину. Покосившись в сторону Королёва, я понял, что командир тоже не в лучшей форме – он был бледен, покусывал губы, его расфокусированный взгляд блуждал в пространстве и не составляло труда заметить, что человек, общем, находился явно не в своей тарелке. Я понял, что действовать придётся мне и притом в одиночку.

Буквально в пять шагов подойдя к противоположной стене, я дёрнул на себя ручку люка, запиравшей морозильную камеру №1. Тут же голубым огоньком осветился дисплей на люке и весело замигал транспарант: «аккредитация».

– Вадим, тут требуется пароль! – я уже стал уставать от калейдоскопа сегодняшних событий и почувствовал, что хочу поскорее закончить это подзатянувшееся шоу. – Свяжись с центральным постом, пусть дистанционно откроют все ячейки...

Мне было слышно, как за спиной забубнил командир: «помещение морга в медотсеке красного коридора... открыть принудительно... да, отменить аккредитацию... да, подтверждаю... я уже сказал, да!»

Я почувствовал, что ко мне подошла и беззвучно встала рядом Илона. По-видимому, она преодолела минутную слабость и совершенно спокойно проговорила:

– Может, всё-таки, вызвать Людмилу по громкой связи?

– У меня нет привычки разговаривать с покойниками по громкой связи.– едва я проговорил это, как синхронно щёлкнули девять замков и все девять люков чуть приоткрылись.

Я стал открывать каждый из них – внутри загоралась ярко-голубая подсветка и из камеры отчётливо тянуло холодом. Первая... Вторая... Третья... Я чуть нагнулся, чтобы удобнее было заглядывать в камеры среднего ряда... Четвёртая... Пятая...

В пятой камере я увидел ступни, обутые в лёгкие и тонкие тапочки-«балетки», и ноги в форменном комбинезоне, уходящие куда-то в пугающий зев синей трубы. Дёрнув лоток на себя, я отступил на шаг – лоток выдвинулся из холодильной камеры метра на полтора, этого оказалось вполне достаточно, чтобы понять, чьё же именно тело на нём лежит.

– Вот это да! – малоосмысленно бормотнул Королёв, по-прежнему стоявший у входа.

– Господи, да что же у нас тут происходит?! – эхом отозвалась Илона Нефёдова.

Наверное, что-то должен был сказать и я, но ничего подходящего этой ситуации мозг выдать не мог. Я тупо смотрел на тело Людмилы Акчуриной с невероятно вывернутой к правому плечу головой, и в голове стучала глупейшая мысль: «Ну вот и встретились, ну вот и встретились, а ты – опоздал, а ты – опоздал! ну вот и встретились!»

Как-то неожиданно и резко накатила апатия и крайняя усталость. Вдруг я понял, что у меня чудовищно болит голова и, вообще-то, мне позарез надо послать сообщение на Землю. Слишком много разного приключилось за последние часы и генерал Панчишин должен быть поставлен в известность обо всём. Причём, желательно до моей собственной смерти!

– Вадим, кто у нас начальник медико-биологической части? – спросил я командира, оторвав на секунду взгляд от трупа Акчуриной. – Кажется, Капленко?

– Да, Ольга Капленко. – ответил Королёв.

– Пригласи её сюда и поручи провести вскрытие тела Людмилы Акчуриной вместе с Илоной Нефёдовой. – я ещё секунду поразмыслил над тем, следует ли продолжить фразу. – Результаты мне в «личный кабинет» через двенадцать часов. Видеозапись с электронными подписями Капленко и Нефёдовой, удостоверяющими её аутентичность, перегнать на Землю... без сокращений, изменений форматов и остановок записи... ну, вы знаете процедуру...

Я покосился на Илону. Та не сразу поняла, что от неё требуется, потом, вздрогнув, подняла на меня глаза и кивнула:

– Разумеется, я знаю процедуру и порядок оформления сопровождающей документации!

– Отлично. А я пойду спать, – я повернулся к выходу и вот тут Вадим Королёв меня по настоящему удивил.

– Я пойду с тобой! – брякнул он, явно не сознавая двусмысленность фразы.

– Спасибо, не надо, я уже достаточно большой мальчик, чтобы спать в одиночку, а ты – недостаточно красивая девушка, чтобы спать со мной. – шутка получилась довольно плоской, но уж какая получилась.

– Юмор неуместен. – буркнул Вадим. – Тебя надо охранять! Один раз тебе голову уже отрихтовали, не хватало только, чтобы вторая попытка...

Я предостерегающе поднял руку, не позволив командиру закончить слишком сложную фразу:

– Вадим, никто на меня второй раз нападать не станет. Я получил по своей умной головке лишь потому, что оказался там, где не следовало. Моё появление у медицинского отсека помешало переноске одного трупа и сокрытию другого. Можешь не сомневаться, те ребята, что экспромтом отоварили меня по голове, сами не рады произошедшему и чешут сейчас репу в размышлизмах о том, как им теперь жить дальше? Так что охраняй драгоценный медперсонал, занятый вскрытием трупа Акчуриной, а за меня не беспокойся – я отосплюсь и ещё развеселю тебя!

Признаюсь, в ту минуту я очень хотел верить в то, что не ошибаюсь.

Глава 3. В трёх соснах за тремя зайцами

Проснулся я с острым чувством беспокойства, ощущением того, что что-то важное ускользает от моего внимания, а вспомнить что именно – превыше моих сил. Неприятное такое чувство, сродни зубной боли, только не физической природы, а скорее эмоциональной.

С полминуты, наверное, я обдумывал свои действия перед сном. Не полагаясь на память, прослушал от начала до конца текст сообщения, подготовленного мною и отправленного генералу Панчишину перед тем, как отдаться во власть Морфею. Текст был исчерпывающе полон и лаконичен – ни прибавить, ни отнять.

Что же тогда беспокоит? Что за напасть...

Сел на кровати, сверился с часами. Оказалось, что мой богатырский сон продолжался почти семь часов – вполне достаточно для того, чтобы восстановиться. Пройдя в санитарно-гигиенический отсек, внимательно рассмотрел рассечение кожи на голове. Биогель застыл и приобрёл цвет воска, я подцепил нащёпку ногтём и почти безболезненно оторвал. Вместе с биогелем легко отвалились и наложенные скрепки, точнее то, что от них осталось, поскольку они были растворимы. Рана затянулась свежей блестящей кожей и вид она придавала мне совершенно пиратский. На месте рассечения наверняка останется фигурный шрам, способный сделать честь любой лысине. Экая красота, хоть волосы не отращивай!

Во время гигиенической пятиминутки сверлящая мысль о чём-то важном и крепко позабытом не оставляла. Лишь после того, как я вернулся в спальную каюту и стал облачаться в форменный комбинезон, я понял, что же именно забыл. Рука наткнулась на нагрудный карман куртки и в нём я ощутил тяжёлый, точно из полновесного золота, грецкий орех. То есть, конечно же, не грецкий орех, а странный шар, который Людмила Акчурина вручила мне во время нашей первой и единственной встречи. Так сказать, вечный двигатель.

Вытащив шарик, о наличии которого в кармане я за прошедшие часы напрочь позабыл, внимательно его осмотрел. Диаметрально расположенные кресты и ромбы оставались на своих местах, через прорезанные отверстия внешнего шара были хорошо заметны внутренние. Таковых было, как минимум пять, но нельзя было исключать того, что внутри пятого находилось ещё что-то, то ли шар, то ли... кто его знает, что там находилось?

Сдавив пальцами места, отмеченные крестами, я увидел, как стремительно закрутились внутренние шарики. Прислушался – вращались они почти беззвучно. Опустил шар на пол и он быстро покатился по радиусу вокруг ног. Дождавшись, пока он сделает полный круг, подхватил его в ладонь и сжал места, отмеченные ромбиками. Внутренние шары моментально остановились.

Хорошо! Я сдавил кресты гораздо сильнее, чем в первый раз и снова опустил шар на пол. Он стремглав крутанулся вокруг меня, описав круг меньше чем за секунду. Вечный двигатель явно нарастил скорости! При подхвате шара я ощутил ладонью отчётливый удар – игрушка явно прибавила инерции...

Тогда я решил усложнить задание. Подойдя к переборке и прижавшись к ней спиной, я очутился в позиции, при которой шар никак не мог описать вокруг меня полный круг. Сжав кресты, я бросил золотую игрушку (она звучно грохнулась на пластиковый настил) и стал наблюдать за тем, что же последует дальше. Шар лениво покатился по радиусу, приблизился к перегородке слева от меня, в паре сантиметров от неё затормозил и... покатился по радиусу обратно! Он не ударился о преграду! Описав дугу радиусом в метр или около того, он приблизился в перегородке справа и... снова не ударившись, покатился обратно!

Да что же это за чертовщина! Такого просто быть не могло!

Всё-таки, по своему первому образованию я инженер, а потому происходившее заинтересовало меня чисто с технической стороны. Если шар не сталкивается с преградой, значит, он её каким-то образом обнаруживает. Как?

Я оставил своё место у стены и метнулся к сейфу. Там лежал мой заветный кейс, тот самый, что дороже моей жизни. Вытащив из хранилища бесценное богатство, я раскрыл свой арсенал и быстро нашёл нужные мне приспособления. Точнее, устройства обнаружения скрытых излучений. Для такого, как я, ревизора, они важнее любого калькулятора или компьютера, ибо порой спасают жизнь. Я выбрал сканеры электромагнитных излучений и акустических полей, здраво рассудив, что золотой вечный двигатель никак не может использовать для селекции окружающих объектов радиоактивные флуктуации. На борту «Академика Королёва» таковые должны были стремиться к нулю, а значит, ими можно было пренебречь...

Пока я копался в своём рундуке, золотой шар прекратил движения у стенки и выкатился из спальни вон. Я хорошо слышал узнаваемый звук качения и к моему удивлению, он не на секунду не прекращался. В какой-то момент я почувствовал жгучий интерес к тому, что же делает золотой шар во время моего отсутствия в соседнем помещении? Осторожно приблизившись к проёму, я выглянул из спальни в гостевой холл. Шар методично катился по полу вдоль его стен и, достигнув проёма в кабинет, нырнул туда. Секунд через десять он выкатился обратно и продолжил своё движение вдоль стен.

Увиденное больше всего напоминало движение кошки, обнюхивающей новое для неё помещение.

«Ах ты ж, степлер хтонический, что ж ты делаешь?!» – не удержался я и только сейчас понял, что уже некоторое время разговариваю с шаром, точно с живым объектом. Наверное, это выглядело смешным, но самом деле мне было совершенно не до смеха.

Я быстро пересёк гостевой холл, наклонился над катившимся шаром и активировал сканер электромагнитных излучений. Шар равнодушно катился вдоль стены, а я вприсядку двигался за ним, придерживая сканер на расстоянии полуметра. Видел бы меня кто-нибудь в эту минуту!

Сканер не обнаружил никаких флуктуаций электромагнитного поля... Что ж, хорошо! у меня имелось кое-что и на этот случай.

Включив детектор акустических возмущений, я поднёс его к шару, продолжая двигаться вприсядку вслед за ним. Шар – чем бы он ни являлся – мог излучать ультразвуковые волны и обнаруживать преграду по отражённому сигналу. Дельфины, касатки и прочие умные твари именно так и делают, правда, занимаются они этим в воде, среде более плотной, чем воздух, но почему бы какому-нибудь креативному малайскому конструктору игрушек не приделать ультразвуковой свисток для его использования в воздухе? Вполне себе пристойная локация на расстоянии нескольких метров...

Но – нет! Акустических сигналов шар также не излучал.

Я убрал обратно в кейс свои приспособы и вернулся обратно к драгоценной игрушке. В голове оформилась кое-какая мысль, как всегда гениальная и неожиданная.

«Давай-ка прогуляемся, подлец!» – предложил я своему золотому vis-a-vis и, подхватив его в ладонь, вышел в коридор. Территория была пуста и было где разгуляться – пятьдесят метров в носовую оконечность и почти двести тридцать – в корму. На велосипеде можно кататься или на джамп-ходулях прыгать...

Шар описал вокруг меня круг и покатился вдаль коридора: метр... два... десять... Я не шевелился, мне было интересно, куда же эта штука укатится? Достигнув конца коридора, шар покатился обратно... миновал мои ноги... и покатился в противоположный конец, тот, что был длиннее.

Мне показалось, что я стал догадываться об алгоритме его поведения. В той степени, разумеется, в какой слово «поведение» вообще могло быть применимо к данному предмету.

С чем бы я ни имел дело, это странное поделие обследовало доступную область пространства с целью... наверное, с целью выяснить его конфигурацию, так что ли? Чем бы этот предмет ни являлся, он обследовал пространство по периметру и при первом проходе игнорировал дверные проёмы, а вот при втором – сворачивал в них и осматривал новый периметр. Ну, то есть, как осматривал? Катился вдоль преграды, перпендикулярной силе действующей на него тяжести. И всякий раз, совершив обход периметра, эта штука возвращалась в исходную точку. Бумеранг такой, понимаешь ли...

Минуты через полторы шар прикатился из дальнего конца коридора и принялся кружиться вокруг меня.

Дура эта была совершенно неодушевлённая – тут даже сомнений быть не могло – но действовала логично и последовательно. Так-то... Что бы придумать заковыристого для этого подлеца?

Голову над этим я ломал недолго, для человека с богатым внутренним миром и воображением ревизора выдумать глупость проще простого. Взяв шар в ладонь, я вернулся в каюту и аккуратно поставил игрушку на край четырёхугольного стола. Опасаясь, что тяжёлый шар тут же полетит в пол, подставил снизу ладонь, но предусмотрительность оказалась излишней.

Шар покатился по краю, достиг угла и... повернул под прямым углом, покатился вдоль другого края. Потом последовал новый поворот... Я наблюдал за этими эволюциями и нехорошее предчувствие зашевелилось где-то глубоко внутри меня. Я не понимал, что же именно вижу, но мой здравый смысл и инженерные знания подсказывали мне идеи одну хуже другой. А мысль о том, что подарившая мне эту странную вещь женщина убита и уже ничего не сможет пояснить, не только раздражала, но и вообще лишала покоя.

Я испытал сильное побуждение взять в руку видеокамеру и отснять небольшой ролик об этом маленьком чуде. А потом перегнуть его, вместе с соответствующими комментариями на Землю, дабы мой шеф, генерал Панчишин, тоже получил возможность немного размять мозги. Замысел казался неплох, но по здравому размышлению я решил не заниматься такими глупостями, по крайней мере, не делать этого сейчас. Во-первых, непонятно, как странная игрушка связана с неизвестным мужским трупом, прилетевшим на Землю в «консерве» под видом трупа Регины Баженовой. Во-вторых, ничто не указывает на то, что эта вещица каким-то образом связана с убийством Акчуриной. Сам-то я считаю, что некая связь существует, но это куда всего лишь моя профессиональная паранойя... В-третьих, а впрочем, первых двух пунктов было вполне достаточно для того, чтобы не морочить голову почтенному руководителю Службы ревизионного контроля. Панчишин обложит меня в сердцах по-матушке и будет прав, не хватало ему на его седую, лысую, умную голову ещё таких вот ребусов.

Взяв шар в руку, я сдавил пальцами гравированные ромбы и вращение внутренних шариков моментально прекратилось. Никакой инерции, ни малейшего звука, никакого разогрева – металл имел ту же самую температуру, что и десять минут назад. И что особенно интересно, невозможно было определить никакого видимого источника энергии. А кроме того, весьма любопытно, как эта штука ориентируется в пространстве? Как она стабилизируется, ведь для ориентации необходима стабилизированная платформа, с привязанной к ней системой координат, управляющей системой, ну и само-собой, системой исполнительных механизмов... где всё это помещается? и что означает явно упорядоченное движение шара по замкнутому контуру? Он кружится вокруг, словно щенок вокруг ног хозяина...

Едва я спрятал непонятный девайс в нагрудный карман, как в голове тренькнул узнаваемый сигнал скрытого вызова и активизировавшийся чип известил меня о получении сообщения от Панчишина. Шеф оказался лёгок на помине, стоило мне подумать минуту назад о его светлости, как тут же появилось и сообщение от него!

Я опять углубился в недра своего заветного кейса, извлёк шифратор и включить его. Перед глазами замигал курсор опознавания устройства и через несколько секунд чип развернул и расшифровал полученный файл.

Перед моим внутренним взором возникло лицо Николая Николаевича и чтобы лучше его видеть я перевёл взгляд на иллюминатор. На фоне черного неба шеф в своём белом костюме выглядел контрастно и даже эффектно.

«Порфирий, здравствуй!» – приветствие начальника оказалось вполне предсказуемым. – «Твоё сообщение о последних событиях на борту операционной базы наделало вполне понятный переполох. Ситуацию действительно следует признать экстраординарной – ещё никогда ревизор „Роскосмоса“ во время исполнения служебных обязанностей не становился объектом нападения и... никогда прежде на космическом объекте не совершалось умышленное убийство с попыткой его сокрытия.»

Я понял, что на Земле уже знают что-то такое, что я упустил за время своего семичасового сна. Скорее всего, Вадим Королёв передал в Центр управления рапорт о недавних событиях и дополнил его предварительными выводами судебно-медицинского исследования трупа Акчуриной. Экспертиза ещё закончиться не могла, но ведь первые выводы можно уже делать по внешнему осмотру. Видимо, на трупе оказались такие следы, что квалификация рода и вида смерти показалась довольно очевидной, о чём Вадим и поспешил сообщить.

«Центром управления получен официальный рапорт командира базы». – продолжал между тем Панчишин, невольно подтвердив мою догадку. – «Конечно, он менее информативен в сравнении с твоим, но до поры он будет считаться основным документом по этому делу. Сам понимаешь, я ведь не могу разглашать факт присутствия на базе своего сотрудника с особыми полномочиями, а потому ты будешь считаться обычным ревизором так долго, как это окажется возможным. Министр сегодня сделает доклад Самому об... имевших место событиях и я буду сопровождать его... так что вопросы, скорее всего, будут и ко мне. Последствия такого доклада, как ты сам понимаешь, могут оказаться самыми неожиданными. Вплоть до подключения к расследованию Директората безопасности или Следкома – этого только нам не хватало, сам можешь представить возможные последствия.»

Я с трудом мог представить, как к Сатурну полетит следственная группа, не имеющая опыта форсированных космических перелётов. Зато моё воображение очень хорошо рисовало вариант с отзывом на Землю всего личного состава базы. С точки зрения финансовых потерь это было равносильно физическому уничтожению базы, но наши официальные следственные органы размышлениями над такими пустяками себя никогда не утруждали. Как известно, плохое зрение аллигатора является проблемой окружающих, но никак не самого аллигатора.

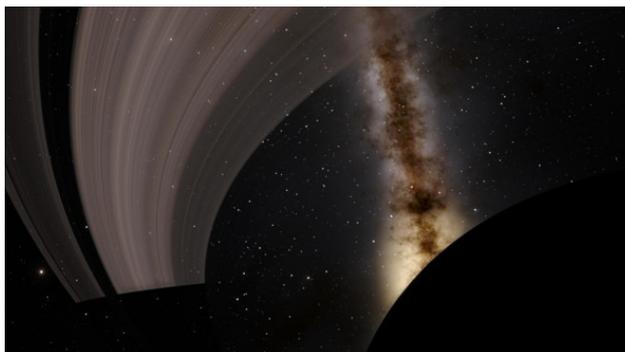
«Разумеется,» – продолжал Панчишин. – «руководство „Роскосмоса“ постарается избежать самого негативного для нас развития событий, хотя объективно говоря, ущерб уже нанесён. В связи с этим я хотел бы заострить внимание на следующем: во-первых, совмещение во времени всех имевших место событий не кажется случайным, а связано с твоим появлением на борту „Академика Королёва“. Кто бы и чем бы там ни занимался, он уже встревожен самим фактом твоего прилёта. Поэтому прошу тебя проявить максимум осторожности и не дать себя убить. Во-вторых, в ближайшее время, по-видимому, оформится предложение по отправке в поддержку тебе помощника и телохранителя. Проблема не в затратах и не в поиске корабля, сейчас на „Ломоносове“ как раз припарковался седьмой „скороход“ после обслуживания... проблема... кхм... в легендировании. Второго ревизора не пошлешь, надо что-то выдумывать.»

Тут я, конечно, возразил бы, но факт удалённости от Земли на семьдесят световых минут лишал это занятие всякого смысла. Утешало лишь одно – телохранитель не прилетит сюда ранее одиннадцати-двенадцати дней, а учитывая динамику событий, тут за это время произойдёт много всякого. Глядишь, и сам полёт станет неактуален.

«В-третьих, по поводу неизвестного мужского трупа, доставленного на Землю.» – меланхолично продолжил Панчишин и я моментально напрягся. В принципе, именно информация о неизвестном трупе реально могла бы мне сейчас помочь. – «Имеется пара важных новостей. Первая связана с тем, что наконец-то нам однозначно сообщили о способе причинения смертельного ранения. Неизвестному действительно просверлили голову высокооборотным сверлом, как мы это и предполагали. В предыдущем сообщении я уже проинформировал тебя о том, что в раневом канале обнаружены частицы, указывающие на то, что погибший в момент смерти был облачён в скафандр не-российского производства. Так вот дальнейшее исследование раневого канала позволило подтвердить наличие в нём микроследов легирующих сталь материалов, там их порядка полутора десятков. Теперь мы считаем доказанным, что неизвестный был убит российским инструментом. То есть, ты понял, что это означает, да? Космонавт в не-российском скафандре убит российским инструментом... Другая новость связана с окончанием комплексного исследования „консервы“, в которую было помещено тело неизвестного. Вчера я получил официальное заключение, согласно которому Акчурина работала с этим трупом, она запечатала контейнер своими печатями, отпечатки её пальцев и биологические следы сняты с его поверхности. Таким образом, можно считать доказанным, что именно Акчурина отправила на Землю труп неизвестного под видом тела Регины Баженовой. Непонятен смысл этой манипуляции, а кроме того, непонятно, для чего тело Баженовой после официального вскрытия было оставлено на борту „Академика Королёва“. Ну и само-собой, непонятно откуда возле Сатурна может появиться бесхозный труп. Коллеги из Европейского Космического Союза молчат, как партизаны. Молчат и китайские товарищи, не забываем, что как раз месяц назад через систему Сатурна проходил их корабль и притом на небольшой скорости. Теоретически, с него мог соскочить человек, либо его выкинули в космос принудительно. В общем, никто не признаётся в исчезновении своего космонавта и в этом вопросе за истекшие сутки ясности не прибавилось. На этом я прощаюсь и напоследок ещё раз попрошу тебя быть максимально осмотрительным.»

Сообщение закончилось. Я не без внутреннего удовлетворения подумал о том, что правильно поступил, не послав Панчишину видеозапись с золотым шаром. Генералу вместе с Министром «Роскосмоса» предстоял в высшей степени неприятный доклад Президенту и если бы перед ним он получил моё сообщение с вопросами о странной игрушке, то наверняка схватился бы за голову. Решил бы часом, что Порфирий Акзатнов умом тронулся после удара по голове. Нет уж, в такой ситуации надо до последней возможности оставаться ледоколом и руководствоваться принципом «были бы мозги – было бы и сотрясение». Не зря ведь аксиома советской космонавтики гласит: чем меньше ты грузишь начальство, тем легче твой собственный калоприёмник.

Некоторое время я продолжал смотреть в иллюминатор, наблюдая за тем, как величественно серп Сатурна заполняет собою область обзора. База сейчас входила в зону тени и большая часть планеты пряталась в темноте. Когда солнечный свет будет полностью перекрыт, россыпи звёзд и Млечный путь станут особенно ярки. Кроме того, на неосвещённой стороне планеты, особенно в приполярных областях, иногда появлялись растягивавшиеся на десятки тысяч километров полярные сияния, различимые из космоса. Те, кто видел, говорят, что шоу очень интересное, надо будет как-нибудь выделить полчаса и попытаться рассмотреть...

База сейчас входила в зону тени и большая часть планеты пряталась в темноте. Когда солнечный свет будет полностью перекрыт, россыпи звёзд и Млечный путь станут особенно ярки.

Хотя, вообще-то, для начала следовало бы узнать, видны ли вообще полярные сияния с широты и высоты стояния операционной базы. А то попаду в глупейшее положение, сказав где-нибудь неосторожно, что хочу их увидеть, не покидая станции, а потом окажется, что это в принципе невозможно из точки размещения «Академика Королёва»!

Где-то там, с другой стороны Сатурна, никогда не видимая с борта операционной базы, находилась орбитальная база Европейского Космического Союза. «Гершель» был много меньше «Королёва» и располагался ближе к плоскости колец. Европейцы не пытались заниматься добычей полезных ископаемых, поскольку так и не смогли решить проблему скоростной транспортировки грузов к Земле. Зато они деятельно рыскали по спутникам в системе Сатурна и активно вели исследование самой планеты. Как ни крути, а таинственный космонавт, чья голова оказалась просверлена российским инструментом, должен был быть оттуда, с другой стороны Сатурна, с «Гершеля».

Разумеется, если он не соскочил с китайского «Великого похода», или если его не выпнули оттуда принудительно, как весьма здраво предположил Панчишин.

Вадим Королёв зашёл за мной, чтобы вместе позавтракать. Командир выглядел спокойным, видимо, за те часы, что я спал, он трезво осмыслил ситуацию и взял себя в руки. За пару минут, что потребовались нам для преодоления ста пятидесяти метров «синего» коридора, он рассказал самое интересное, чему стал свидетелем после моего ухода из медицинского отсека:

– Я потребовал от Капленко и Нефёдовой сохранения тайны как самого факта смерти Акчуриной, так и результатов судебно-медицинской экспертизы, которую они проведут. Так что какое-то время нам удастся скрывать случившееся от экипажа. Но понятно, что это продлится не очень долго, вряд ли более сорока восьми часов. Причину смерти определили быстро, даже до собственно вскрытия. Рентгеновский снимок показал обширное смещение трёх позвонков шейного отдела в сторону левого плеча.

–левой рукой ударили. – понял я. – Если, конечно, она лицом к лицу с убийцей стояла.

– Да, если смотреть со стороны стоящего лицом к лицу, то направление удара для бьющего – слева направо. Удар был сильный, шансов никаких не оставил, шею свернул, как курёнку... прости Господи! Следов борьбы нет, ни защитного травмирования, ни повреждений одежды – ничего такого. Просто ударили один раз и убили. Наши врачи кровь взяли на анализ – яды, медикаменты, снотворное – но и без всяких веществ картина выглядит достаточно очевидной. Самое интересное...

– Да?

– Акчурина была беременна. Седьмая или восьмая неделя – точно будет указано в официальном акте.

- Известно с кем она поддерживала интимные отношения?
- Разумеется! С Завгородним Андреем Николаевичем.

В памяти всплыло худощавое лицо мужчины, молчаливо сидевшего в Ситуационном зале по правую руку от меня в дальнем конце стола. Поскольку этот человек присутствовал при встрече со мною, стало быть он имел несокрушимое alibi. Что ж, интересно...

- Это руководитель одной из экспедиций? – уточнил я на всякий случай.

– Да, Второй экспедиции. Они ведут добычу прямо из кольца.

- Надо будет с ним поговорить.

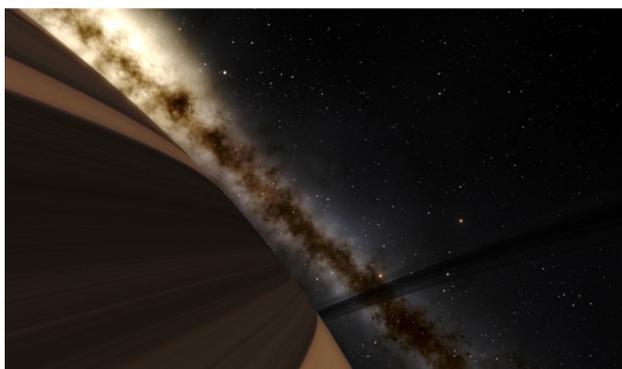
– Тогда придётся... – Вадим не закончил фразу, поскольку мы вошли в помещение кают-компании и кто-то в дальнем углу зычно гаркнул:

- Командир в отсеке!

Присутствующие – а их в эту минуту оказалось в помещении человек восемь – мгновенно вскочили и стали навтыжку. Ритуал этот остался с тех дремучих времён, когда космос по преимуществу осваивался военными, и космонавты, даже будучи без погон, всё равно оставались в погонах. Я отметил подсознательно, что присутствующие тарасились не столько на Королёва, сколько на меня, что было, в общем-то, вполне понятно, принимая во внимание моё давешнее эпохальное явление экипажу с разбитой головой.

– Прошу садиться. Мы здесь на правах голодных. – проговорил Королёв, давая понять, что наше появление продиктовано самой что ни на есть бытовой причиной. Я молча кивнул и улыбнулся присутствующим, демонстрируя элементы лояльности и доброго расположения духа, и встретился в ответ с весьма заинтересованными взглядами. Что ж, я, по-видимому, успел стать отчасти популярной персоной!

Кают-компания оказалась помещением весьма внушительных размеров на дюжину столов, причём с большим запасом свободного места. Её размеры явно свидетельствовали о планах конструкторов значительно увеличить в будущем численность экипажа. Интерьер соответствовал уровню хорошего видового ресторана, только из огромного иллюминатора открывалась панорама не на сумеречную коралловую лагуну, а феерический Млечный путь. Операционная база только-только вышла из тени планеты, поэтому разноцветные бриллианты звёзд были видны особенно хорошо. Вид призрачной звёздной дорожки всегда непроизвольно будил во мне тревогу и рождал беспокойные мысли о грядущем. Но в эту секунду я неожиданно поймал себя на мысли, что чувствую себя совершенно счастливым человеком, поскольку в отличие от бессчётных поколений предков сумел подняться к звёздам.

Вид призрачной звёздной дорожки всегда непроизвольно будил во мне тревогу и рождал беспокойные мысли о грядущем. Но в эту секунду я неожиданно поймал себя на мысли, что чувствую себя совершенно счастливым человеком, поскольку в отличие от бессчётных поколений предков сумел подняться к звёздам.

Пройдя вдоль длинной шеренги раздаточных автоматов, мы с Вадимом набрали полные подносы снеди, которую лишь условно можно было считать «космической». На самом деле рацион стационарных операционных баз уже давно во всём соответствовал уровню самых пристойных едален – от копчёностей и разносолов, до десертов, свежих фруктов и напитков. Королёв, похоже, подумал о том же.

– Всё-таки, наши нормы снабжения изменились невообразимо, – пробормотал он. – Десять тонн на человека в месяц – это избыточно! Правда, это вместе с водой, но всё равно очень много. Мы месячный лимит по продуктам питания выбирали дважды – и это за все годы функционирования.

– Да уж, – я не мог не согласиться, – вспомни, каким был рацион двадцать лет назад, когда мы с тобой только начинали летать...

Уселись мы за самый дальний столик, чтобы своим присутствием не мешать общению остальных членов экипажа.

– Ты что-то хотел сказать, когда мы входили, – напомнил я Вадиму. – Что-то про Завгороднего.

– А, да! У него сегодня плановый вылет на промысел. Через... – Вадим скосил глаза в иллюминатор, в углу которого горела индикация места и времени базы. – через три часа двадцать минут.

– Отлично, я полечу с ним.

– Что это ты удумал? – удивился Королёв и, не дожидаясь ответа, тут же решил. – Я лечу с тобою.

– Нет, ты со мной не отправишься. Не надо доводить доброе дело до безумия, на борту «бульдозера» мне ничто не угрожает. В конце-концов, за моё здоровье будет отвечать Завгородний – ведь он будет командиром «челнока» – вот пусть и отвечает! – отмахнулся я. – Если я погибну – он отправится в дом с клетчатый окошком до конца своих дней. Причём, бесславно и с позором!

– Э-э... – Королёв явно смешался, но отступить не пожелал. – Не надо демонстрировать свою брутальность и отвагу таким образом.

– Я не брутальность демонстрирую, а знание «Кодекса». Командир отвечает персонально за жизнь каждого из числа находящихся на борту управляемого им корабля. Персонально и каждого... номер статьи помнишь?

– Ну, тогда и меня надо отправлять на нары... Учитывая случившееся с тобою и Акчуриной. – буркнул командир, на что я тут же не без внутреннего удовольствия ответил:

– Да ты не торопись! Надо будет, тебя тоже определят... когда у нас в России тюремных нар не хватало?!

Вадим поперхнулся квашеной капустой с брусникой. Эффект мне понравился, признаюсь. Пару секунд я наблюдал за тем, как командир операционной базы вытирал салфеткой соплю и слюни, затем мягко съехал с острой темы:

– Я не знаю, как ты ешь квашеную капусту с брусникой – это же чистая кислота! Подойди к аккумуляторной батарее, выпей из неё серной кислоты – эффект для желудка будет тот же... даже вкуснее покажется. Добей желудок, посыпь капусту красным перцем!

Вадим пыхтел, потел, работал салфеткой, затем отбросил её в мусороприёмник и очень аккуратно пробормотал:

– Ты издеваешься надо мной, что ли?

– Никто тебя в тюрьму сажать не собирается, – успокоил его я. – Но и ты, пожалуйста, не заостряй тупые углы. Тебе не к лицу пафосная защита моей жизни. Я сам справлюсь, поверь, у меня это дело получается неплохо. Это понятно?

– Понятно...

– На борту «бульдозера» мне ничего не угрожает, – продолжил я свою мысль, но Королёв меня опять настырно перебил:

– Тебе и в медицинском отсеке ничего не угрожало, однако же...

Но вот тут я его остановил без всяких санитаров:

– Хватит – это не обсуждается!

Командир засопел, но обижаться ему было не на что, как говорится, избегай панибратства и панибрат избежит тебя...

– Мы сейчас отправимся в центральный пост, – спокойно продолжил я, давая понять, что не заметил мимолётно возникшей неловкости. – Поговорим с дежурной сменой, посмотрим видеозаписи из коридоров, заглянем в протоколы срабатывания замков – глядишь, наш маленький детективчик сам-с собой и распутается. Расскажи, пожалуйста, кто там сейчас дежурит?

– Смены из двух человек по двенадцать часов несет персонал из группы аварийно-спасательных работ и дежурного обеспечения. Всего их шесть человек – три пары. Старший группы, седьмой её член, Олег Афанасьев, присутствовал вчера на встрече в Ситуационном зале.

– Да-да, помню...

– Работа у них ответственная, но рутинная. Сидят пристёгнутые к параллельно-блокированным креслам, то есть одновременно встать не могут, если надо выйти, то только по-одному. Аварий и катастроф у нас, к счастью, не бывало – три раза приходилось выполнять уклонение при астероидной угрозе, один раз имела место грубая ошибка пилотирования при стыковке и навал грузового корабля на полужёсткий корпус... Кроме того, дважды возникали незначительные технологические сбои в афинажном производстве, ну, там... перегрев, расплав термоизоляции печи... мелочь в сущности, у нас этих печей более сотни! И все эти неприятности, заметь, имели место за четыре года безостановочной работы! Даже чуть более четырёх... – поправился командир. – Сейчас на дежурстве находится та же самая смена, что заступала во время нападения на тебя. Так что поговорим очно, всю документацию посмотрим, какую душа. Признаюсь, я и сам хотел бы кое-какие вопросы задать...

– Спасибо за познавательный рассказ, но я так и не услышал, кто же там сейчас дежурит?

Однако, услышать ответ на этот незамысловатый вопрос мне явно было не суждено. Потому что до моего слуха донеслась реплика, явно адресованная ушам ревизора «Роскосмоса».

– Ваша честь, можно ли задать вам принципиальный вопрос?

Поскольку «вашей честью» в кают-компании мог быть только я, вопрошающий имел намерение обратиться именно ко мне. Голос был очень приятный – звонкий, ясный, отчётливый каждым произносимым слогом, звучал он как капель... такими голосами в театральных постановках обычно произносят самые важные монологи. И даже не в каждом театре, ибо актёров с такими голосами на все театры не хватит.

Вопрос задала женщина, которую я заметил ещё будучи в дверях отсека. Худошавая, с высокой талией, явно отличная спортсменка, правильными чертами лица и той специфической бесовщинкой во взгляде, что сразу выдаёт женщину-provokatora. Когда такая разговаривает с мужчиной в момент обналичивания месячной зарплаты, мужчина автоматически пытается прикинуть как далеко эта зарплата позволит его фантазиям зайти? Не потому, что мужчина порочен, а просто потому, что так работают наши рефлексy. Скажем прямо, задавшая вопрос дама была очень красива. Женщины-космонавты все красивы – это одно из условий психоэмоционального комфорта команды, но именно эта была просто сногшибательна. Да... Именно так!

– Принципиальный вопрос подразумевает принципиальный ответ? – уточнил я на всякий случай. – Или допустимо принципиальное молчание?

– Хотелось бы услышать ваше мнение о предстоящем полёте «Юрия Долгорукого». – пояснила дама. – Некоторые члены нашего маленького коллектива подали заявки на участие в проекте и имеют собственное мнение о некоторых его аспектах. Интересует ваше суждение.

– А какую связь вы усматриваете между мною и запланированным через год полётом «Юрия Долгорукого»? – я решил немного затупить ситуацию, поскольку примерно понимал, каким должен быть ответ на заданный мною вопрос.

– Во-первых, вы только-только прилетели с Земли. Во-вторых, вы из центрального аппарата «Роскосмоса», а стало быть ближе к главному источнику всех новостей. В-третьих, мы узнали, что вы тоже подали заявку на участие в экспедиции.

– Вот как? Вы не поленились с Сатурна отправить запрос за семьдесят световых минут, чтобы уточнить, не подавал ли Порфирий Акзатнов заявку на участие в полете?

– Ну это же открытая информация. – спокойно парировала дама.

Я оценил прямоту. Стало быть, про меня тут уже стали наводить справки!

– А в вашей «открытой информации» сообщается, что я уже зачислен в состав экипажа? – уточнил я на всякий случай.

– Конкурса ещё не было! – подал голос мужчина, сидевший напротив моей собеседница и внимательно прислушивавшийся к разговору. – До первого из пятидесяти четырёх конкурсов ещё два месяца!

– Это пожалуйста, – мне пришлось согласиться. – Я ведь и не утверждаю, что конкурс прошёл и я его выиграл. Я лишь сказал, что я зачислен в основной состав и спросил, известно ли вам об этом?

Повисла тишина и я решил воспользоваться моментом. В конце-концов, мне необходимо было начинать общаться с членами экипажа напрямую и завязавшийся разговор предоставлял мне для этого замечательную возможность.

– Давайте сдвинем столы, возьмём пива – алкогольного или безалкогольного, кто какого хочет – и поговорим о наборе экипажа для предстоящего полёта «Юрия Долгорукого». – предложил я. – Тема эта для «Роскосмоса» очень актуальна и я понимаю ваш интерес.

Уговаривать никого не пришлось, что, в общем-то, несложно понять – в небольших коллективах люди обычно весьма заинтересованно относятся к новым собеседникам. Буквально в три секунды мы сдвинули ближайшие столы, так что места хватило всем. Компания подобралась довольно большая – помимо Королёва и меня ещё семеро человек – четыре женщины и трое мужчин. Все рядовые члены экипажа, мне прежде официально не представленные, но проблем в общении это не могло создать, поскольку у каждого на клапане нагрудного кармана красовался идентификационный жетон.

Моё предложение было понято буквально и все дружно взяли пива. Я тоже себе не отказал в этом удовольствии, хотя и имел большие планы на ближайшие часы.

– «Юрий Долгорукий» будет первым из пяти серийных земных кораблей, отправленных к другим звездным системам. – бодро начал, запустив в себя добрый глоток холодного живого пива. – Концепция межзвёздных перелётов, принятая «Роскосмосом», думаю, всем вам хорошо известна: летящий к дальней звезде корабль вылетает раньше, а направляющийся к ближней – стартует позже. Поэтому «Долгорукий» должен направиться к звезде Барнарда, а отправляющийся в полёт через год «Князь Владимир» – в систему Центавра.

– Если не произойдёт переназначения целей. – аккуратно заметил молодой мужчина с серебряным жетоном «Анатолий Шастов, группа МТО». Анатолий, стало быть, числился в группе материально-технического обеспечения и даже – вполне возможно! – тридцать три дня назад размещал герметичный бокс с неизвестным трупом на борту транспортного корабля, отправлявшегося на Землю. Надо будет запомнить Толика, возможно, нам предстояла очень познавательная беседа весьма интимного свойства.

– Да, замечание вполне корректно, – согласился я, – Вся программа построена таким образом, что любой корабль может отправиться к любой звезде... Ну, разумеется, в разумном удалении. В Туманность Андромеды на двенадцати сотых световой скорости никто, разумеется, лететь не собирается. У нас в ближайшей перспективе будет пять кораблей и... сколько целей?

Я сделал пафосную паузу, намереваясь вовлечь присутствующих в беседу.

– Девять. – выдохнули мои новые знакомые. Я даже несколько удивился синхронности ответа.

– Замечательно, стало быть, вы все владеете скрытой интригой. У нас девять целей на удалении до десяти световых лет и пять кораблей. Поэтому переназначение целей, конечно же, возможно. Но мы готовы лететь к любой цели, не так ли?

– Мы даже столы сдвинули и пиво налили. – с самым серьёзным выражением лица ответила та самая сногшибательная дама, что затеяла со мной разговор три минуты назад. На её серебряном значке я мог прочесть «Татьяна Авдеева, группа движения».

– А кто из вас вообще подавал заявку на участие в программе межзвёздного перелёта? – догадался я задать самый важный вопрос.

Вверх поднялись семь рук. Стало быть, заявку подал каждый. Тут я даже крикнул.

– Отдаю должное вашей пассионарности и харизме, – только и нашёлся я что сказать. – Комплекс Христофора Колумба греет ваши души!

– А ещё комплекс Росинанта. – многозначительно заметил Толик Шастов.

– Росинант, вроде бы, не из этого анекдота. Он из того, который про Дон-Кихота, – заметил я, хотя не чувствовал себя полностью уверенным. – Итак, у нас пять кораблей, каждый из которых реализует один и тот же алгоритм перелёта: старт с околоземной орбиты, мягкий разгон с ускорением всего один «g» до тридцати пяти тысяч километров в секунду продолжительностью сорок пять суток, затем перелёт продолжительностью несколько десятилетий и последующее торможение на протяжении опять же-шь сорока пяти суток. От концепции «корабля поколений» было решено отказаться в силу... м-м... скажем мягко, гуманитарных соображений.

– Это потому, что первое поколение – самое мотивированное – умрёт в полёте, не дожив до прибытия к цели? – уточнила Татьяна.

– Не совсем. – я несколько замялся, подыскивая слова. – Хотя дело, разумеется, в мотивации экипажа. Первое поколение за сорок пять пятьдесят или даже шестьдесят лет не умрёт полностью, некоторая часть космонавтов доживёт до прибытия. Проблема в другом: второе и третье поколения скорее всего окажутся менее мотивированы для решения исследовательских задач. Поскольку в первое поколение будут отобраны кандидаты с очень высоким интегральным человеческим капиталом, то аналогичный показатель второго поколения – и тем более третьего – будет значительно ниже. Это, в общем-то, аксиома, которая сейчас не оспаривается никем из организаторов полёта. Поэтому «Роскосмос» сделал ставку на то, чтобы к конечной цели прибыли и приступили к работе именно те люди, которые покинут Землю. Отсюда родилась идея разделить экипаж на пятьдесят четыре группы, каждая из которых будет бодрствовать один год плюс-минус месяц-два, а остальное время находиться в состоянии принудительного медикаментозного сна. Группы будут сменять друг друга на протяжении всего полёта. В результате экипаж за время перелёта постареет всего на один год. И прибудет к цели практически не постаревшим. Красиво, да?

Народ, сидевший рядом со мной, слушал внимательно и молчаливо хлебал пиво. Я чувствовал, что вопросов у собеседников немало, тем более, что я сообщил им кое-что такое, чего до этого они вряд ли могли от кого-то услышать.

– То есть «Роскосмос» не очень-то верит в человеческую природу? – не без ехидства пробормотал Толик Шастов.

– Скажем прямо, особых оснований верить в неё нет. – парировал я. – Не забываем, что космонавты – люди во всех отношениях отборные. Лучшие из лучших. А вот дети космонавтов... кхм... уж какие уродятся. А внуки будут ещё хуже, не сомневайтесь! Мы стоим перед реальной перспективой того, что люди принесут к звёздам вовсе не помыслы о постижении тайн мироздания и создании резервной базы для спасения цивилизации, а свои пороки, страхи, тупость, лень и эгоизм. Всё то, что называется деградацией. Наш собственный эгоизм – это самое страшное, что может ждать нас в космосе.

– М-да, забавно, а мы-то думали, что наши руководители-планировщики отказались от схемы «смены поколений в полёте» лишь для того, чтобы мы могли увидеть чужую звезду. – задумчиво сказала Татьяна. – Оказалось, что всё намного прозаичнее... Спасибо, хоть глаза нам, наивным, открыли.

– Вы-то сами что думаете? – подала голос молчавшая до того девушка со значком с надписью «Юми Толобова, грппа ДРМ». Гравировка означала, что девушка приписана к Группе дальней разведки и мониторинга, а стало быть летает по ближним и дальним окрестностям Сатурна.

– Насчёт чего?

– Насчёт того, что человеческий капитал второго поколения окажется хуже, чем первого. – негромко пояснила вопрос Юми.

Я вспомнил, что читал её личное дело во время перелёта, её отцом являлся космонавт, этнический русский, а матью – японка, радиофизик по профессии. Так что вопрос девушки был до известной степени личным – она являлась космонавтом во втором поколении.

– Мне кажется, что проблема второго и в особенности третьего поколения, родившихся в космосе, окажется двоякой: с одной стороны, мы увидим людей, которые на голубом глазу скажут родителям «мы не просили вас посылать нас к звёздам, мы бы очень хотели жить на Земле». И в этом своём желании они будут совершенно правы. Ведь родители приняли решение за них, не оставив выбора, а вот имеют ли родители подобное моральное право? Помимо этого, проблема поколений может оказаться и совсем иного рода: мы можем получить потомков, которых один мой хороший знакомый назвал... э-э... – тут я запнулся, не зная, как корректнее выразиться. – «поколением крыс». Люди, выросшие в условиях ограниченного объёма корабля – пусть даже и очень большого, но всё равно весьма ограниченного – могут оказаться напрочь лишёнными «комплекса Колумба». Они могут рассуждать так: зачем высаживаться на чужие планеты? зачем строить небольшие и не очень-то комфортные базы-поселения? зачем рисковать, покидая корабль? Ведь корабль даёт всё необходимое, фактически воспроизводит сам себя – от воды, до главной энергетической установки, которую можно построить полностью с «нуля» в корабельных условиях. Другими словами, зачем вылезать из норы, если в ней тепло и сухо...

– Вы хотите сказать, что носители «комплекса Колумба» никогда не договорятся с «поколением крыс»? – уточнил Толик.

– Мы обсуждаем покуда чисто умозрительную ситуацию, но как кажется, конфликт интересов может оказаться непримиримым. И если в один далеко не прекрасный день «крыс» на борту корабля станет больше «колумбов», то миссия окажется проваленной даже не начавшись. Заметьте, мы пока даже не рассматриваем ситуации с внезапным осложнением обстановки на борту из-за неких случайных факторов, нештатных ситуаций, типа, аварии, столкновения с метеоритом или, скажем, эпидемией. Речь о конфликте, обусловленном сугубо внутренними причинами.

– Кстати, мысль про эпидемию на борту межзвёздного корабля отдаёт радикальной новизной. – подала голос молчавшая до того дама со значком «Анна Ширстова, группа МТО». – Поясните, пожалуйста, что имеется в виду, какая такая пандемия может поджидать

космонавтов в паре световых лет от Солнца: чума? проказа? сифилис, может, какой энурез или сколиоз?

Дамочка ёрничала и это выглядело в тот момент неуместно. Я почувствовал сквозившее в её словах раздражение, хотя и не мог понять его причину. Поэтому ответил максимально корректно:

– Считается, что все, находящиеся на борту межзвёздного корабля, будут жить в условиях исключительно высоких стандартов чистоты. А это может привести к деградации иммунной системы. А потому цветение в оранжерее какой-нибудь лилии сорта «лоллипоп» при попадании в систему вентиляции её запаховых маркеров может привести к аллергическим реакциям. С самыми серьёзными последствиями. Это всего один пример нештатной ситуации из тысяч возможных! Медицинский департамент «Роскосмоса» приравнивает последствия конкретно этой ситуации к эпидемическим.

– Это всё интересно, – подала голос примолкнувшая было Татьяна Авдеева, та самая, что обратила на себя моё внимание провокативной талией и звонким голосом. – Но имело бы смысл рассказать обо всех этих необычайных домыслах участникам проекта. Устроить публичную дискуссию. Кому, кстати, ещё пива?

Я не отказался и Авдеева принесла мне ещё один ледяной бокал. Перед собой поставила такой же.

– А как вы умудрились попасть в экипаж «Юрия Долгорукого» до официального конкурса? – спросила Татьяна. В ту секунду, когда она пододвигала бокал с пивом, наши пальцы соприкоснулись. У неё была холодная рука и длинные красивые музыкальные пальчики. Она вообще была вся такая занятная, что на неё хотелось бы посмотреть в другой обстановке.

– Как вы все хорошо знаете и без меня, на борту «Долгорукого» будет постоянно бодрствовать дежурная смена. Или дежурная группа, можно называть так. Численность группы – шестнадцать-семнадцать человек, усредненная продолжительность дежурства – один год. Всего таких смен конкретно для полёта «Юрия Долгорукого» будет пятьдесят четыре. Старший каждой из смен назначается вне конкурса. Вот меня и назначили.

– То есть, если основной состав будет отбираться по конкурсу, который сам по себе растянется на многие месяцы, то старшие групп уже известны? – уточнила Татьяна.

Она время от времени странно посматривала на меня и я не мог понять её взгляд – это не был флирт, но как будто намёк на что-то личное.

– Да, вы правильно меня поняли. – мне осталось лишь кивнуть.

– А можно вопрос не по теме? – проговорила Юми и неожиданно подняла руку, точно в школе. Получилось это у неё на редкость забавно, вообще же, по её улыбкам и неожиданной жестикуляции можно было понять, что она очень юморная и неординарная дамочка. – Во время встречи с руководителями групп в «Ситуационном» зале Лариса Янышева спросила вас...

– Да-да-да, я помню, про опасный секс. – я сдержался, чтобы не захохотать в голос. – Вы уже слышали об этом, хотя лично на встрече не присутствовали! Подозреваю, что фраза успела стать крылатой, поэтому объясняю её происхождение. Мы с Ларисой одновременно обучались в Авиационно-Космической академии, с той только разницей, что я заканчивал обучение, а ваша нынешняя руководительница её только начинала. Была у нас замечательная поездка на профильную базу. Кто учился в академии, знает, что большой учебный городок находился, да и сейчас находится в излучине Хомы. Места потрясающие, очень живописные, центральная Россия, дорожки среди сосен, стриженные газоны, кампус мирового уровня. И там после подготовительных занятий, которые мы же, выпускники, кстати, и проводили, довелось мне оказаться в одной компании с Ларисой Ивановной Янышевой. Компания была большая, человек с десятков точно. После обсуждения всех актуальных вопросов космологии, космогонии, теории эфира и управления гравитацией мы перешли к чему...? Правильно, к обсуждению проблематики межполовых отношений в процессе освоения дальнего космоса. Тогда-то и прозвуч-

чал легендарный вопрос Ларисы и мой не менее легендарный ответ: «Каким видам секса вы отдаёте предпочтение?» – «Из всех видов секса я выбираю опасный». Кстати, от сказанного я не отрекаюсь и не могу не отметить того, даже сейчас этот анекдот звучит вполне достойно, без похабщины. Как вы все, должно быть, знаете, наши юные космонавты порой острят... кхм... за пределами приличий.

Присутствующие заулыбались. Улыбнулась и Юми, став на несколько мгновений необыкновенно милой и женственной:

– Спасибо за разъяснение. А то пересказ этой истории взбудоражил фантазию наиболее активной части экипажа!

Я не знаю, что она имела в виду, но её слова вызвали хохот собеседников. Обстановка стала настолько дружелюбной и тёплой, что настало время уходить. В конце-концов, знакомство состоялось и я не сомневался, что в ближайшие дни оно только укрепится. Скажем мягко, к тому имелись все предпосылки. Я толкнул коленом сидевшего рядом Вадима Королёва и тот всё понял без лишних слов.

– Дамы и господа, – подскочил со стула командир. – я вынужден вмешаться в ваше неформальное общение с господином ревизором, поскольку у нас всё ещё остаётся ряд неотложных дел. Благодарю вас за участие в обсуждении животрепещущих вопросов и выражение искреннего чувства уважения и душевного расположения.

Всё-таки Вадим научился гордиться благолепные фразы! Истинно командирский навык... С ходу, не задумываясь задвинуть такое получится не у каждого адекватного человека. Кстати, выражение про «выражение искреннего чувства» надо будет запомнить, экая, всё-таки, пафосная бессмыслица...

Дежурные по операционной базе размещались в так называемом Главном Командном центре – ГКЦ – расположенном в том самом месте, в котором Главный Коридор упирался в огромный бериллиевый щит, обычно ориентированный на Солнце. С точки зрения конструктивной безопасности это место считалось наиболее защищённым как от ударов метеоритов, так и от солнечного ветра. Защищённость в космосе – тем более, дальнем – понятие весьма условное, тем не менее, создатели всех этих летающих по Солнечной системе чудес пытались в меру своих весьма ограниченных возможностей размещать командные центры таким образом, чтобы у них были наивысшие шансы на выживание при любом типе аварии. Будь то попадание метеорита, вспышка на Солнце, внутренний взрыв или, скажем, нападение пиратов. Пираты, правда, в Солнечной системе покуда не появились, но прочие виды угроз для операционной базы «Академик Королёв» представлялись вполне актуальными. За защищённость – пусть и далеко не абсолютную – конструкторам пришлось пожертвовать здоровьем дежурных смен, поскольку ГКЦ, размещенный на оси Главного Коридора, находился в зоне невесомости. Соответственно, в невесомости во время несения дежурства находилась и диспетчерская смена. А как мы все давно и прочно заучили, в космосе для человека невесомость – самый главный и коварный враг.

Когда мы с Королёвым втолкнули свои тела в помещение ГКЦ и зависли в полутора метрах от пола, оба диспетчера сидели на своих штатных местах, пристёгнутые к креслам. Одновременно покинуть свои рабочие места они не могли – бортовой компьютер расценил бы это как чрезвычайную ситуацию – утрату экипажем возможности управления станцией – и активировал бы протокол аварийного оповещения. В том числе оповещения и земного центра управления... в общем, переполох получился бы огромный. До тех пор, пока хотя бы один из диспетчеров сидел, прикованный ремнями к креслу, считалось, что операционная база находится под управлением человека. Хотя с самого начала функционирования «Академика Королёва» девяносто девять из ста операций по управлению выполнялись автоматически.

Рабочие места диспетчеров были оборудованы идентично – перед каждым большой интегральный монитор, на который можно было вывести любую информацию, и с полдюжины экранов поменьше. Никаких кнопок или иных видимых устройств ввода команд – управление осуществлялось голосом, тактильно или движением зрачка в зависимости от перегрузки. Помещение казалось пустым, здесь не было второго стола или запасных кресел – тут царил техногенный минимализм в своём крайнем проявлении.

За спиной дальнего от входа диспетчера нависал Олег Афанасьев, старший Группы материально-технического обеспечения, которая несла ответственность за электро- и водоснабжение станции, штатное функционирование канализации, гидравлических и пневматических систем, вентиляции, всех видов сигнализаций и оповещений, ну и само-собой, диспетчеризацию всех этих процессов. Дежурные по ГКЦ находились в его прямом подчинении. Увидев Королёва и меня, он спокойно, без всякой показной строгости, проговорил, обращаясь к подчинённым:

– Командир в отсеке! Ревизор «Роскосмоса» в отсеке!

Эти стандартные фразы согласно «Операционному кодексу» информировали членов экипажа о статусе появившихся руководителей и побуждали их быть готовыми беспрекословно исполнить возможное поручение.

После этого Афанасьев также просто и буднично сделал формальный доклад командиру об обстановке на борту станции, из которого можно было узнать, что за время дежурства диспетчеров Сергея Кузьмина и Прохора Уряднова имело место нападение на ревизора «Роскосмоса», а в остальном ситуация на борту штатная, нагрузка на системы жизнеобеспечения – в заданных пределах, а прогноз астрофизической обстановки на ближайшие двенадцать часов экстремальных угроз не несёт.

– Хорошо, – важно кивнул Королёв и замолчал.

Молчал и Афанасьев. Молчал и я.

Для меня было очевидным, что Афанасьев оказался в ГКЦ неслучайно – командир явно сообщил ему о моём намерении поговорить с дежурными. Наверное, командир базы считал разговор с подчинёнными в отсутствие руководителя группы неэтичным. Вспомнил, наверное, аксиому средневековой иерархии: «вассал моего вассала – не мой вассал». Впрочем, меня не интересовало, что именно вспомнил или подумал Королёв, для меня было важным лишь то, что в данную минуту Афанасьев своим присутствием мне мешал. Я не мог общаться с дежурными в присутствии постороннего.

Вот поэтому и молчал.

Прошла секунда, вторая... пятая.

Как говорится, чем талантливее дирижёр, тем длиннее пауза. Я был намерен молчать хоть до второго пришествия.

Тишина в ГКЦ стала явно зловещей. Не побоюсь сказать, она приобрела форму лезвия ножа гильотины.

Афанасьев почувствовал растущее напряжение момента, откашлялся и довольно неуместно поинтересовался:

– Могу я чем-то помочь?

– У меня нет к вам вопросов, так что можете быть свободны, – тут же ответил я, не дожидаясь, пока какую-нибудь глупость брякнет командир.

– Я мог бы... если потребуется... помочь ответить... разобраться... предоставить информацию в удобном виде... и прокомментировать... если в том возникнет необходимость. – что-то такое невнятное забормотал Афанасьев, но я остановил этот лепет на полуслове:

– Олег Владимирович, мы явились не к вам. Когда вопросы возникнут к вам персонально, вы на них ответите. Сейчас же я предлагаю вам оставить нас наедине с дежурной сменой.

Сказанное прозвучало грубо, но доходчиво. Командир группы был просто обречён меня понять...

Обменявшись быстрыми взглядами с Королёвым, он оттолкнулся ногами от пола, придал телу горизонтальное положение, а потом уже движением рук направил себя точно в проём двери. За энергичными движениями угадывалось раздражение и даже бешенство – что ж, Олега можно было понять!

После того, как Афанасьев покинул помещение, я получил возможность взять быка за рога:

– Итак, Сергей Кузьмин, это с вами, кажется, я разговаривал восемь с половиной часов назад. И разговор наш был о том, что в «красном» коридоре не горит свет.

– Так точно, – Сергей откашлялся.

– А почему свет не горел?

– Материнский компьютер с периодичностью дважды в сутки, то есть каждые двенадцать часов, производит архивирование данных всех включенных в него подсистем. Вообще всех! Это очень большой массив данных – одних видеокамер на борту более шести тысяч! Кроме того, проводится сканирование на предмет выявления скрытых неполадок. Поэтому в процессе архивирования возможны краткосрочные веерные отключения некритичных с точки зрения жизнеобеспечения зон общего пользования. На полторы-две минуты... Это нормально. Это паспортная характеристика!

– Хорошо, – согласился я. – Давайте посмотрим как долго продолжалось это отключение!

Диспетчер живо махнул рукой по экрану монитора перед собой, перескочил в нужную директорию, быстро отыскал искомый лог и раскрыл его в текстовом виде. Мы с Королёвым подались к экрану и без особых затруднений разобрались в записях.

– Семь минут десять секунд. – выдохнул мне в ухо Королёв.

– Действительно! А теперь посмотрим как долго длилось подобное отключение за двадцать четыре часа до этого. – предложил я.

Через несколько мгновений Кузьмин отыскал нужную запись. Оказалось, что такое архивирование потребовало отключения электропитания в «красном» коридоре на одну минуту сорок пять секунд.

– Давайте посмотрим, что было сорок восемь часов назад... – скомандовал я. – А потом... ну, скажем, за сто сорок четыре часа до последней архивации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.